Составитель
Александр Баранов

От крещения до отпевания

Таинства и обряды Православной Церкви

От крещения до отпевания

Таинства и обряды православной Церкви

Составитель А. Баранов

Москва 2006

По благословению архиепископа Запорожского и Мелитопольского Василия

+А Василий

Художественное оформление: Владимир Панкратов
Компьютерное макетирование: Юлия Стоянова
Корректура: Марина Васильева

Составитель А. Баранов

От крещения до отпевания. Таинства и обряды православной Церкви.
– М: ОБРАЗ, 2006. – 128 с.

отец Владимир

Живя в Церкви, мы призваны принять участие в ее опыте. Наше знание Бога идет не от книжного знания, не от знания, происходящего от размышлений. Чтобы достичь познания Бога, надо поддерживать и развивать отношения с Ним. Мы познаем Бога не как понятие и не через логические построения. Речь о другом: надо познать Бога в непосредственных взаимоотношениях, и именно этого нам следует искать.

Церковь предлагает нам свой опыт и свою практику именно для того, чтобы мы поддерживали и развивали наши личные взаимоотношения с Богом. Например, нам предлагается соблюдать пост, использовать церковные молитвы, избегая так называемых «спонтанных» молитв, т.е. всякого индивидуализма, или участвовать в богослужении. Все это представляет собой практику, дающую нам возможность поддерживать и развивать личные взаимоотношения с Творцом.

Христос Яннарас

Вместо предисловия

Странники

Из проповеди митрополита Николая (Ярушевича)

Странник я у Тебя и пришелец: как и все отцы мои. (Пс. 38, 13)

Так говорит псалмопевец, размышляя о скоротечности нашей земной жизни. Сказанная им истина напоминает каждому из нас о беспрерывном течении времени: один за другим неудержимо и безвозвратно уходят в беспредельную вечность год за годом; одно поколение сменяется другим; умирает одна жизнь, уступая место жизни другой.

Сколько изменений претерпела земля за всю свою историю! Сколько на ней обитало таких народов, которых время навсегда смело с ее лица, и имена многих из этих народов даже не сохраняются в памяти человечества. Сколько история знает царств, которые шумной своей жизнью заполняли землю, достигали расцвета в науках, искусстве, торговле, и от них не осталось и следа. Сколько за долгую историю мира было на земле городов – цветущих, украшенных замечательными зданиями и хранилищами памятников искусства, а время их уничтожило.

Разрушенные обломки таких городов засыпаны землей, илом, песком, залиты морской водой, и сейчас в разных концах земли люди раскапывают эти обломки когда-то прекрасных городов, известных истории только по именам, или даже вовсе не известных.

Так все течет и изменяется на земле. Шумная слава исчезает как звук, громкий, но короткий. Богат-

ства, сокровища земные ускользают из рук человеческих быстрее воды. Земные наслаждения, плотские чувствования улетают короче утренней зари. И узы дружбы, узы любви, узы родства разрушаются, изменяются, исчезают.

Человек, поставленный в середину этого текущего, изменчивого мира, также увлекается общим течением, и никакая сила не может остановить неудержимого потока времени.

Было время, когда на земле жили наши прадеды. Каждый из них занимался своей работой, болел, лечился, старился. Они уступали место нашим дедам, деды - нашим отцам, отцы - нам. Пройдет немного времени, и не будет нас с вами на земле. И другие люди будут обитать на ней, и другие люди - наши приемники - будут стоять на том священном месте, где стою я; и внимать их проповеди и собираться в храмах Божьих на молитву будут другие люди - наши потомки, наши дети, внуки.

Человек живет, старится и умирает. Такова история каждой человеческой жизни. А сколько перемен совершается с каждым из нас, пока мы живем своей короткою жизнью!

Внутри нас - беспрерывная смена впечатлений, настроений, желаний, намерений, вне нас - все новые связи, встречи. Жизнь течет и изменяется. И сами мы изменяемся: проходит та или иная пора в нашей земной жизни, и уже не то нам нравится, что нравилось раньше, не того желает наше сердце, чего желало раньше, и не к тому стремится наша мысль, наша душа, к чему стремилась раньше. Можно ли узнать в дряхлом старце, который печальными мутными глазами смотрит вокруг себя, когда-то цветущего юношу, взор которого горел радостью и надеждой, который впереди себя видел долгую-долгую жизнь, был

весел и беззаботно смотрел вперед? Да и самих себя мы часто не узнаем по прошествии известного времени. Все течет, все уходит в вечность.

И о чем все это говорит нашему сердцу? «Странник я у Тебя, Господи, и пришелец, как и все отцы мои».

Вот о чем напоминает беспрерывное течение времени: о том, что все мы здесь на земле - странники и пришельцы. По слову святого Апостола Павла, мы «не ищем здесь постоянного града, но ищем будущего» (Евр. 13, 14).

На земле нет ничего вечного. Вечен один Бог, не знающий ни начала ни конца Своего бытия, и вечна та жизнь, в которую мы вступим своей бессмертной душой. Мы и ищем будущего нерукотворенного Небесного Иерусалима, куда стремится каждый, кто идет за своим Господом, кто Господом живет и с Ним умирает. Это непрерывное течение времени напоминает нам о том, что не здесь наша родина. Наше вечное отечество там - на Небе, в доме нашего Небесного Отца, Который так возлюбил род человеческий, что послал Сына Своего Единородного на крестную смерть за вечное счастье людей (Ин. 3, 16).

Наше вечное жилище там, где пребывает Господь наш Иисус Христос, Который за нас пострадал, умер, воскрес в третий день по Писанию, вознесся на Небо, открыл двери Царства Небесного для каждого из нас и там ждет всех нас после конца нашей короткой земной жизни. Там наша вечная родина, откуда Преблагословенная Небесная Матерь, наша отрада и прибежище, источает Свою материнскую любовь на пути нашей земной жизни. Вечно жить мы будем там, где уже вечно живут наши старшие братья - святые угодники, Божии люди, которые свои небесные благословения ниспосылают нам от лица Божия и ими

укрепляют нас на нашем жизненном пути, где обитают все наши предки, умершие с верою.

Св. Апостол Павел говорит, что ветхозаветные праведники, жившие на земле среди развратного падшего, порочного мира, сохранили свою веру в Истинного Бога и чистоту своей души тем, что всегда напоминали себе о том, что они - странники и пришельцы на земле, что не здесь наш постоянный град, но в той жизни, к которой мы стремимся душой и которая не знает конца.

И мы все с вами, дорогие дети своего Небесного Отца, дети Сладчайшего Спасителя, совершая свой короткий земной путь, должны всегда себе об этом напоминать.

Перед лицом Господа здесь, на земле, мы только временные гости, как и отцы наши, уже прошедшие свой земной путь и отошедшие со своей верой к Господу, Хозяину Неба и земли.

Путешествующий странник совершает путь по чужой стране, всем сердцем стремится на родину. Он не останавливается на пути больше, чем это нужно для отдыха, потому что идет вперед, в свою родную страну. И каждый из нас, христиан, совершая свой путь по земле, направляясь в жизнь вечную, не должен сердцем прилепляться ни к чему земному так, чтобы это земное было дороже небесного, ибо все мы должны любить в Боге и ради Бога. Мы должны в течение всей жизни думать о спасении своей грешной души, а в предстоящей разлуке с близкими, родными, любимыми сердцем утешать себя тем, что мы идем туда, где, если того будем достойны, с ними встретимся и будем вместе в незнающей предела жизни у нашего Небесного Отца.

Странник, идущий по чужой земле на свою родину, не смущается тем, что на его пути встречаются бури, ненастья, обрывы, крутизны. Он преодолевает

все трудности пути силой своей души, устремленной к той родной земле, куда идет.

Так и истинный христианин все бури и ненастья, какие встречаются в жизни, преодолевает силой своей веры в Господа и в вечную, не знающую конца жизнь. Он переносит и терпит скорби, испытания, лишения в этой земной жизни со смирением и благодушием, всецело покоряясь Промыслу Божию, ведущему нас по земной дороге. Такой христианин знает, что эти скорби, эти бури, встречающиеся ему на пути, скоротечны и преходящи: скорби сменяются радостями, радости - скорбями, как и ясный день сменяется облачным и дождливым. Он знает, что без воли Божией и волос не падает с головы его. Он знает и другое: что мудрость и благость Божия не подадут, не пошлют такого искушения, которое погубило бы нас для вечности, и что любовь к нам найдет надежное средство к тому, чтобы нас поддержать, спасти от падения среди сомнений, страданий, тяжелой борьбы в нашей земной жизни. Все радости, здоровье, благополучие христианин принимает с благодарением к Господу и молится о том, чтобы Господь не лишил его Своей Божественной помощи, когда Он попустит быть бедам и болезням.

Странствующий по чужим краям, идя к своему дому, не приобретает для себя ничего лишнего, чтобы не связывать, не стеснять себя в пути ношей, а если и приобретает, то только то, что потребуется дома и старается послать это вперед себя.

Так и христианин, готовясь к вечной жизни, спешит делами любви, милосердия, сострадания приготовить себе для этой жизни несгораемое, никем не обворовываемое духовное богатство, с которым каждый из нас там, в стране любви, мира, света и вечной радости будет наслаждаться всеми благами вечной

жизни, приготовленными Небесным Хозяином для верного, любящего, преданного Ему раба. Свои излишки, свои достатки христианин отдает через руки нищих, по слову Священного Писания, взаймы самому Господу (Притч. 19, 17), посылая вперед себя туда, в страну вечной жизни, то духовное сокровище, которое с ним останется в бесконечных веках на его вечной Родине.

Идущий в вечную жизнь подкрепляет и укрепляет себя во время пути мыслью о том, что он с каждым днем все ближе и ближе подходит к пределам своей родной земли. Он не перестает думать о своей вечной Родине, в которую вступит, как только окончится его короткая земная жизнь.

Он говорит самому себе на протяжении всего своего, подчас очень нелегкого земного пути: потерпи, осталось еще немного, и Господь, всегда верный своему слову, исполнит свое обещание: «Претерпевый до конца спасется» (Мф. 10, 22).

Как древние иудеи в плену на берегах Вавилонских плакали о своем Иерусалиме, так и истинный христианин тоскует своим верующим сердцем о Небесном Иерусалиме, стремясь своим духом к тем обителям, какие Господом приготовлены для нас, если мы будем достойны их наследовать.

Всякий странник должен знать путь, по которому идет, должен иметь руководителя, который вел бы его верным путем, чтобы не заблудиться и не удлинить своего пути.

У нас, дорогие мои, есть такой Небесный Руководитель. Им для нас является Сам Господь наш Иисус Христос. Он указывает нам путь к вечному спасению. Он оставил нам Свое Божественное слово, научающее нас прямому и верному пути в Царство Небесное. Он сказал о Себе: «Я – свет миру; кто последует

за Мною, тот не будет ходить во тьме, но будет иметь свет жизни» (Ин. 8, 12).

Он – наш свет. Слово Божие – это светильник ногам нашим, по слову псалмопевца. Когда человек идет в темноте, он спотыкается, падает, натыкается на препятствия, сбивается с прямой дороги. Так и человек, отдающийся влечению своих страстей и похотей, во всем уступающий своим развращенным наклонностям, сбивается своим сердцем с дороги, которая ведет в Царство Небесное. А кто живет по заповедям Божиим, для кого евангельское Божественное Слово является светочем на пути, тот знает, что идет верным путем к жизни вечной, и никакие препятствия, никакие бури и ураганы на этом пути не столкнут его в пропасть, ибо он видит при этом свете все опасности на своем пути. Хотя, может быть усталыми и слабыми, но верными ногами он идет по пути в Царство Небесное.

Совершающий долгий путь должен останавливаться время от времени, чтобы не иссяк у него запас телесных сил, должен иметь место и время для отдыха. Для христианина, идущего на свою вечную Родину, есть место и время для такого духовного отдыха, для подкрепления своих слабеющих на этом пути сил.

Местом для этого отдыха служит святой храм. Сюда мы приходим для того, чтобы своей грешной, осуетившейся, заполненной заботами, тревогами, тяготами земной жизни душе найти успокоение, чтобы здесь напитать свою бессмертную душу животворящей пищей – Телом и Кровию Господними, чтобы напоить жаждущее сердце благодатию Святого Духа, духовном питием слова Божия, подкрепляющего нас и услаждающего наше верующее сердце. А время для такого отдыха учредила, по заповедям Божиим,

Святая Церковь. Это – воскресные дни, это – праздничные дни, когда Святая Церковь созывает своих детей под своды храмов, чтобы всем нам вместе переживать события земной жизни Господа и Его Матери, прославлять святых Божиих людей и каждому раскрывать сердце перед всевидящим оком Небесного Отца, изливая в молитве все свои наболевшие думы, чувства, желания услаждая сердце благодатию святой молитвы.

Все мы идем туда – в Горний Иерусалим, двери в который открыты для каждого из нас. Когда мы туда придем, когда окончится земной путь для каждого из нас, – никто не знает. «Не знаете ни дня, ни часа, в который приидет Сын Человеческий» (Мф. 25, 13), – говорил Господь о Своем втором пришествии, и эти слова приложимы и ко дню отшествия каждого из нас из земного мира. Поэтому любящий Господа своего всю жизнь заботится о том, чтобы сердце хранить в чистоте, а когда оно загрязняется, спешит очистить его от греховной скверны. Тот, кто готовится к вечной жизни, живет заботой о том, чтобы своим смирением, чистотой, милосердием, неосуждением, делами любви к Богу и к ближнему быть достойным этой жизни, чтобы перейти туда не со страхом перед осуждением и вечной смертью, но с упованием на ходатайство за нас Сына Божия, с верою в милость Божию, чтобы войти в жизнь будущего века со спокойной душой, а не с горьким сожалением о покидаемом мире, с светлой надеждой на то, что Господь не оттолкнет нас от Себя, примет как детей в Свое Божественное лоно, утешит нас Своим вечным утешением в Царстве Небесном.

«Смотрите за собою, – говорит Спаситель, – чтобы сердца ваши не отягчалися объеданием и пьянством, и заботами житейскими, и чтобы день тот не постиг вас внезапно» (Лк. 21, 34).

Христианину страшно уйти туда, в вечную жизнь, бедному духовно, с слабой верой, без добрых дел. Ведь жизнь будущая не похожа на нашу земную жизнь. Там другое содержание жизни, другой круг сожителей, которые будут окружать нас: там нет ничего плотского, чувственного. И если мы придем туда не приготовленными своей душой, мы будем вечно чувствовать себя чужими в том мире.

Вот мы и должны себе напоминать, дорогие мои, о том, что мы - странники и пришельцы, как и отцы наши. И, напоминая, должны готовить свою душу к будущей жизни верою, усердием к молитве, слову Божию, любовью к святому храму.

Пусть каждый из нас, опуская свой духовный взор в глубину своего сердца, спрашивает себя: готово ли мое сердце разрешиться от уз плоти и предстать пред лицом Божиим, готова ли моя душа уйти из этого мира, когда Господь позовет меня к Себе туда, где пребывают Божии люди и святые ангелы?

Счастлив тот, кто смог бы самому себе на этот вопрос ответить словами пророка: «Готово сердце мое, Боже, готово сердце мое» (Пс. 56, 8). Святой пророк был всегда готов к зову Божию, готов к тому часу, когда Господь возьмет его к Себе, в Свое Вечное Царство.

Примите, дорогие мои, от всего моего любящего вас во Христе сердца горячее молитвенное пожелание, чтобы до конца своих дней мы оставались верными Господу православными христианами и не переставали заботиться о своей грешной душе, не оставляя ее, бессмертную душу, голодающей и жаждущей, питая ее словом Божиим, Святыми Тайнами Христовыми, святой благодатью Божией, какие обильно подает нам Господь в святых храмах.

Любите Божий храм! В нем мы возносимся духом

от земли к небу и своей грешной душой соприкасаемся с тем Божественным горним миром, в который вступит каждая православная душа, когда Господь призовет ее к Себе.

Не зная, когда придет этот час, будем готовиться встретить ту священную минуту, когда ангел подойдет к бессмертной душе и разлучит ее с телом. Пусть каждый из нас встретит этот благословенный час с горящим светильником веры в Господа, сыновней благодарной любви к Нему и никогда не увядающей на всех шагах нашей земной жизни, нас подкрепляющей и воодушевляющей надеждой на то, что Господь помянет нас во Царствии Своем. Аминь.

Таинство Крещения

ВСТУПЛЕНИЕ

Святая Церковь преподает нам силы, «яже к животу и благочестию» (2 Петр. 1.3). Без благодатных сил не может жить ни один член Церкви, и они подаются нам по мере нашей веры и любви к Богу. Действия же, через которые подаются нам эти силы, называются таинствами.

Таинство есть священное действие, в котором через какой-либо видимый внешний знак, невидимо, непостижимым для нас образом, подается нам благодать Святого Духа, или спасительная сила Божия.

Господом учреждены были таинства. Таинство Крещения самое необходимое. Оно служит дверью в Церковь Христову: только принявший Крещение человек может стать членом Церкви, и потому Крещение называется еще «духовным рождением». Для некрещеного закрыты врата рая. Сам Господь сказал: «Если кто не родится от воды и Духа, не может войти в Царство Божие» (Ин. 3.5). Но и здесь, на земле, некрещеный человек для Церкви как бы не существует: на него не действует благодать, подаваемая в других таинствах, за него нельзя молиться в Церкви, его нельзя поминать ни при жизни, ни после смерти, его нельзя отпевать. С точки зрения Церкви, у некрещеного человека нет даже имени, потому что и само имя дается при Крещении.

Таким образом, только с момента Крещения начинается подлинная духовная жизнь. И это относится не только к каждому отдельному человеку, но и к целым странам и народам. Духовное рождение нашего отечества произошло в 988 году, когда святой рав-

ноапостольный князь Владимир совершил великое и славное дело - Крещение Руси.

К необходимости принять Крещение приходят разными путями. Следует признать также благотворность Крещения в жизни.

Помимо учреждения таинства Крещения Господом, оно и освящено еще примером Самого Господа Иисуса Христа, крестившегося в реке Иордан от Иоанна Крестителя. Иоанн Креститель был Предтечею пред явлением в мир Христа Спасителя, приготовляя людей к принятию Спасителя и призывая к покаянию и вере.

Покаяние и вера - необходимые условия для принятия таинства Крещения. Кающийся человек сознает свои грехи и понимает, какую великую милость являет ему Бог в таинстве Крещения, прощая все беззакония.

Вера нужна для осознания, что только Христос может освободить его от грехов, ибо Христос взял на Себя грехи всего мира, «дабы всякий верующий в Него не погиб, но имел жизнь вечную» (Ин. 3.16). Для всякого христианина Христос должен быть центром, средоточием всей его жизни, и любое уклонение от этого центра - это грех, измена Христу, нарушение обета верности Ему, данного при Крещении. Уклонения весьма многочисленны, ибо человек по немощи и по злобе диавола и после Крещения не перестает грешить. И нужен подвиг, нужна долгая борьба с грехом, нередко всю свою жизнь, на пути духовного совершенствования и спасения. Иного пути нет.

ТАИНСТВО КРЕЩЕНИЯ

Крещение есть таинство, в котором верующий, при троекратном погружении тела в воду, с призыванием Бога Отца, и Сына, и Святого Духа, умирает

для жизни плотской, греховной, и возрождается от Духа Святого в жизнь духовную, святую.

В ветхозаветные времена существовало установление водного крещения, как символ не только плотского, но и нравственного очищения. Спаситель, крестившись от Пророка, Предтечи и Крестителя Иоанна, освятил это крещение, а перед вознесением на небо заповедал апостолам: «Шедче научите вся языки, крестяще их во имя Отца, и Сына, и Святаго Духа» (Мф. 28.19).

Поэтому крещению предшествовало ознакомление с верой, и сознания, что всем существом своим крещаемый обретает новое понимание жизни как член Церкви во Христе. Обращение взрослого человека бывает решительным или постепенным, но благодать Таинства освящает и закрепляет духовное перерождение. При крещении же детей, не имеющих сознательной веры, тоже всевается семя благодатной жизни, приводящее к полному перерождению крещеного, при условии надлежащего христианского воспитания. Крещение младенцев совершается по вере восприемников, однако это не исключает необходимости приготовления ко крещению, во-первых, потому, что события, вызвавшие Церковь к жизни, к бытию, произошли в действительности, а, во-вторых, Церковь сама – есть приготовление, так как приготовляет нас к жизни вечной. Родители, восприемники молятся за детей, уверенные, что Господь может дать им различные блага.

При Крещении в крестившемся совершаются неизгладимые перемены: он освобождается от власти первородного греха, и сатана изгоняется из его сердца. Возможность искушения от диавола остается, но он пребывает как бы внешним человеку. Отсюда неизбежность хранить обеты, данные при Крещении, а

талант, данный в Таинстве, как залог новой жизни приумножается путем личных усилий, иногда подвигом всей жизни.

ОБРЯДЫ, ПРЕДШЕСТВУЮЩИЕ КРЕЩЕНИЮ

1. Молитвы в первый день, по внегда родити жене отроча

Три молитвы. В них выражается радость вступления в мир нового человека и одновременно – печаль об испорченности мира грехом. Зачаты мы все во грехе, ибо неизбежным элементом зачатия стала похоть. Рождение ребенка – это радость, но вместе с тем – «недуг и слабость», страдание и боль.

Они содержат также прошения о прощении, потому что только Божественное прощение – данное и исполненное во Христе – может очистить эту радость, восстановить ее во всей полноте, сделать первый день жизни началом спасения. Церковь дарует матери прощение, которое всегда есть переход в жизнь, искупленную Христом, в радость и полноту, «ограждаемую ангелами светлыми и сияющими».

2. Молитва во еже назнаменовати отроча, приемлющее имя во осмый день рождения своего

Имя человека выделяет его из миллиардов других людей и утверждает единственность и неповторимость его личности, ибо и за него распялся Господь наш Иисус Христос. Сын Божий имеет человеческое Имя, потому что Он есть Личность, и Церковь в обряде наречения имени признает единственность этого конкретного ребенка, обретшего Божественный дар личности. Соотнося его со Святым для нас Именем Божиим, Церковь показывает, что каждое имя свято, ибо освящено человеческим Име-

нем Самого Христа. Это имя чада Божиего, сотворенного и предназначенного для личного общения с Богом, личного участия в Царстве Божием, которому не будет конца.

Во все времена имя христианина считалось святым, и потому с самого детства его учили уважать свое имя. Так родилась традиция давать крещаемому имя какого-либо святого, который становится, таким образом, его небесным покровителем и заступником. В этом выразился опыт Церкви как «Сообщества святых» - уверенность в том, что единственное истинное назначение и призвание человека есть святость.

3. Молитва жене родильнице, по четыредесяти днех

Роженицам вход в храм воспрещается «по обыкновенному закону естественного очищения» в течение сорока дней, являющихся для нее как бы печатью первородного проклятия женщине.

В сороковой день мать предстоит у входа в храм, держа на руках младенца, готовая принести его и свое материнство Богу, священник словами молитвы обращает взор ее на икону Матери Богомладенца Иисуса, Которая будучи Пречистой Девой и, не нуждаясь в очищении, повинуясь Закону, принесла во святилище Свое Дитя, истинного Законоположника. В своих молитвах Церковь объединяет эти два материнства, наполняет человеческое материнство неповторимой радостью и полнотой Божественного Материнства Марии. Младенец, Которого Она носила и с Которым как Мать была полностью соединена, исполнил Ее благодатью. И теперь эта благодать наполняет Церковь и ее получает каждая мать, приносящая свое дитя Богу.

ПОСЛЕДОВАНИЕ ЧИНА ОГЛАШЕНИЯ

1. Молитва во еже сотворити оглашенного

Человеку, пожелавшему креститься, следует изучить Символ веры, заповеди Господни и испытать свою совесть о серьезности принимаемого решения. В древности члены христианской общины приводили крещаемого к епископу, который, по испытании искренности обращения крещаемого, вносил имя его в списки оглашенных. Крещаемый в знак покорности и смирения развязывал пояс, совлекал верхние одежды, отрешаясь от мирской гордости и тщеславия, и босыми ногами становился на власяницу. Опущенные вниз руки знаменовали избавление от рабства отцу лжи. Взор, устремленный на восток, означает ожидание отверстых врат рая, откуда были изгнаны после падения Адам и Ева (Быт. 2.8).

Иерей же трижды дует крестообразно на крещаемого, напоминая, что «создал Господь Бог человека из праха земного и вдунул в лице его дыхание жизни, и стал человек душею живою» (Быт. 2.7), трижды благословляет и, возложив руку на главу крещаемого, читает молитву. Рука священнослужителя – рука Самого Господа Иисуса Христа – жест защиты и благословения, ибо в будущем этому человеку предстоит смертельная схватка с силами тьмы.

2. Три запрещения на нечистых духов

У Церкви всегда был опыт, подтверждающий наличие активных демонических сил, по которому зло – это не только отсутствие добра, а и присутствие вполне реального носителя зла – злой личности – демона, хотя его присутствие может быть не всегда ясным и осознаваемым.

Церковь повествует нам о восстании против Бога в сотворенном Им духовном мире части ангелов, обуянных гордыней. И источник зла заключается не в их неведении и несовершенстве, а, напротив, в тех знаниях и совершенстве, которые привели их к искушению гордыней и отпадению. Сатана принадлежал к самым первым и лучшим созданиям Бога. Он был достаточно совершен, мудр и силен, чтобы знать Господа и не подчиниться Ему, восстать против Него, пожелать «свободы» от Него. Но поскольку такая «свобода» (т. е. произвол) невозможна в Царстве Божественной Гармонии, которое существует лишь при добровольном согласии с Волей Бога, сатана и ангелы его изгоняются Богом из этого Царства.

Вот почему при крещении прежде совершается запрещение «сатаны и всех ангелов его». Св. Кирилл Иерусалимский говорит в огласительном поучении: «Содержание сих запрещений следующее: первое – отревает и гонит диавола и всякое его действие страшными для него Божественными именами и таинствами, изгоняя диавола, повелевает и демонам его бежать от человека и не творить ему напастей. Подобным же образом и второе запрещение изгоняет демонов Божественным Именем. Третье запрещение есть вместе и молитва, возносимая Богу, умоляющая всесовершенно изгнать лукавого духа от создания Божия и утвердить его в вере».

3. Отречение от сатаны

Священник обращает крещаемого на запад – символ тьмы, темных сил. Крещаемый отрекается от сатаны, т. е. отвергается от прежних греховных привычек и образа жизни, отказывается от гордыни и самоутверждения, сознавая, что был прежде пленником страстей, сатаны. Крещаемый не боится сделать

это, стать лицом к лицу, ибо изгнание нечистых духов сделало его свободным, а воздетые руки означают готовность подчиниться Христу.

4. Исповедание верности Христу

Отрекшегося крещаемого священник обращает к востоку, ко Христу – Свету мира. Как клятва, как присяга звучат слова крещаемого «Сочетаваюся» о готовности и согласии служить и следовать Христу. Это решение принимается раз и навсегда, оно не подлежит пересмотру или переоценке, ибо «возложивший руку свою на плуг и озирающийся назад, не благонадежен для Царствия Божия» (Лк. 9.62).

Это решение христиане и называют верой. Крещаемый исповедует веру, читает Символ веры (вместо младенца – восприемник).

5. Символ веры

Символ веры содержит все христианские истины. В древности прежде крещения человек должен был изучить их. И теперь это необходимое условие при крещении. Ответственность за обучение истинам веры младенцев несут их восприемники, и если забывают, то совершают тягчайший грех.

Со времен апостольских христиане пользовались «символами веры» для того, чтобы напоминать самим себе основные истины христианской веры. В древней Церкви существовало несколько кратких символов веры. В IV веке, когда появились ложные учения о Боге Сыне и о Духе Святом, возникла необходимость прежние символы дополнить и уточнить. Таким образом, возник ныне употребляемый Православной Церковью Символ веры. Он был составлен Отцами I и II Вселенских Соборов. I Вселенский Собор принял семь членов Символа, II – остальные пять.

1 Вселенский Собор состоялся в 325 г. по Р.Х. в Никее для утверждения истинного учения о Сыне Божием против ложного учения Ария, что Сын Божий создан Богом Отцом. II Вселенский Собор – в Константинополе в 381 г. для утверждения истинного учения о Святом Духе против лжеучения Македония, отвергавшего Божественное достоинство Духа Святого. При изучении Символ разделяют на 12 членов. В первом говорится о Боге Отце, далее по седьмой включительно – о Боге Сыне, в восьмом – о Боге Духе Святом, в девятом – о Церкви, в десятом – о крещении, в одиннадцатом – о воскресении мертвых, в двенадцатом – о вечной жизни.

СИМВОЛ ВЕРЫ

Верую во единаго Бога Отца, Вседержителя, Творца небу и земли, видимым же всем и невидимым.

И во единаго Господа Иисуса Христа, Сына Божия, Единороднаго, Иже от Отца рожденнаго прежде всех век, Света от Света, Бога истинна от Бога истинна, рожденна, несотворенна, единосущна Отцу, Им же вся быша. Нас ради человек и нашего ради спасения сшедшаго с небес и воплотившагося от Духа Свята и Марии Девы, и вочеловечшася. Распятаго же за ны при Понтийстем Пилате, и страдавша, и погребенна. И воскресшаго в третий день по Писанием. И возшедшаго на небеса, и седяща одесную Отца. И паки грядущаго со славою судити живым и мертвым, Егоже Царствию не будет конца.

И в Духа Святаго, Господа, Животворящаго, Иже от Отца исходящаго, Иже со Отцем и Сыном спокланяема и сславима, глаголавшаго пророки.

Во едину Святую, Соборную и Апостольскую Церковь.

Исповедую едино крещение во оставление грехов. Чаю воскресения мертвых. И жизни будущаго века. Аминь.

После прочтения и исповедания веры в третий раз взрослый крещаемый делает земной поклон, как древний и универсальный символ благоговения, любви и послушания. Для верующего человека церковное поклонение Богу – необходимое условие победы над человеческой гордыней и утверждение подлинной свободы и достоинства.

ПОСЛЕДОВАНИЕ СВЯТОГО КРЕЩЕНИЯ

1. Освящение воды

Освящение воды для Крещения – одна из важнейших частей чинопоследования, имеющая глубочайшую связь с самим таинством.

В молитвах и действиях при совершении освящения воды для Крещения раскрываются все стороны таинства, показывается его связь с миром и материей, с жизнью во всех её проявлениях. Вода является древнейшим религиозным символом. С христианской точки зрения, представляются важными три основные стороны этой символики: во-первых, вода – первичная космическая стихия. В начале творения «Дух Божий носился над водой» (Быт. 1, 2). Одновременно она – символ разрушения и смерти. Основа жизни, животворящая сила – и основа смерти, разрушительная сила: таков двойственный образ воды в христианском богословии. И наконец, вода – символ очищения, возрождения и обновления. Эта символика пронизывает всё священное писание, входит в повествование о творении, грехопадении и спасении. Святой Иоанн Предтеча призывал народ к покаянию и

очищению от грехов в водах Иордана. И Сам Господь Иисус Христос освятил водную стихию, приняв Крещение от Иоанна.

Человек стал рабом демонических сил из-за своего подчинения греховной материи. Освобождение человека начинается с очищения материи – освящения воды. Этим воде возвращается её первоначальное назначение: быть средой Божиего присутствия, «всегубительством демонов».

2. Освящение елея

После того, как вода освящена, она помазуется елеем. В древнем мире елей, прежде всего употреблялся как лечебное средство. Елей, символизирующий исцеление, свет и радость, был знаком примирения Бога с человеком. Голубь, выпущенный Ноем из ковчега, вернувшись, принёс ему масличную ветвь, «и Ной узнал, что вода сошла с земли» (Быт. 8, 11). Итак, в помазании елеем воды и тела крещаемого елей знаменует полноту жизни и радость примирения с Богом, ибо «в Нём была жизнь, и жизнь была свет человеков. И свет во тьме светит, и тьма не объяла его» (Ин. 1, 4–5).

Крещение обновляет и восстанавливает всего человека в его первозданной целостности, примиряет душу и тело. Елеем радования помазуются вода и тело человека для примирения с Богом и в Боге – с миром. Единым Духом упраздняется ложная раздвоенность плотского и духовного, и мы возвращаемся к вечной тайне творения и сорадуемся с Господом: «И увидел Бог всё, что Он создал, и вот хорошо весьма» (Быт. 1,31).

3. Крещение

В таинстве Крещения верующей душе явно и реально открывается основная истина христианства: приняв Крещение, «вы умерли, и жизнь ваша сокрыта со

Христом в Боге. Когда же явится Христос, жизнь ваша, тогда и вы явитесь с Ним во славе» (Кол 3, 3-4). Эта крещенская смерть возвещает разрушение смерти Христом, а крещенское воскресение наше ещё раз являет образ Воскресения Христова. Совершается глубочайшая тайна: единение человеческого и Божественного в «обновленной жизни». Благодать, подаваемая человеку в Крещении, как и в остальных таинствах, - это плод жертвенной смерти Христа и Его Воскресения. Она сообщает человеку волю к спасению и силы, чтобы идти по жизни, неся свой крест. И потому Крещение может и должно определяться - не образно, не символически, а по существу - как смерть и воскресение.

В христианском понимании смерть - это прежде всего духовное явление. Можно быть мёртвым, ещё живя на земле, и быть непричастным смерти, лёжа в могиле. Смерть - это отдаленность человека от жизни, то есть от Бога. Господь - единственный Податель жизни и Сама Жизнь. Смерть противоположна не бессмертию, а истинной Жизни, которая была «свет человеков» (Ин. 1,4).

Вот от этой истинной жизни человек волен отказаться и, таким образом, умереть так, что само его «бессмертие» станет вечной смертью. Эту жизнь человек и отверг, отпав от Бога. Это и есть первородный грех, вселенская катастрофа.

Жизнь без Бога и есть духовная смерть, которая превращает человеческую жизнь в одиночество и страдание, наполняет ее страхом и самообманом, обращает человека в рабство греху и злобе, похоти и пустоте.

Веровать во Христа всегда означало и означает не только признавать Его, не только получать от Него, но, прежде всего, отдаться Ему. Невозможно веровать в Него и не принять Его веры, не любить Его любовию и желать того же, что желал Он. Ибо нет

Христа вне этой веры, любви и желания. Нельзя ожидать помощи от Него, не выполняя Его заповеди любви; нельзя называть Его Господом и преклоняться перед Ним, не исполняя волю Отца Его. Мы спасены не потому, что веруем в Его сверхъестественную власть и могущество - не такой веры хочет Он от нас, - а потому, что мы принимаем всем нашим существом и делаем своим то желание, которое и есть Его жизнь, которое заставляет Его принять распятие и мученическую смерть, чтобы уничтожить корень ее - грех. Желать такого исполнения и осуществления нашей веры - значит желать смерти нашей «похоти плоти, похоти очей, и гордости житейской» (1 Ин. 2, 16), царствующих в мире сем; это значит желать воскреснуть с Ним и в Нем для Царства Его. И, наконец, невозможно знать Христа и не желать выпить ту чашу, которую Он испил, и не желать креститься тем Крещением, которым Он крестился. Именно вера наша знает, что Крещение - истинная смерть и истинное воскресение со Христом Иисусом.

Только Бог может откликнуться на это желание и исполнить его. Только Он может даровать желание нашего сердца и напитать наш разум. Где нет веры и желания, там не может быть и исполнения. Только по благодати Божией мы знаем, что «эта вода есть истинно для нас и гроб, и матерь...» (св. Григорий Нисский).

Погружение в воду означает то, что крещаемый умирает для жизни греховной и спогребается со Христом для того, чтобы жить с Ним и в Нем (Рим. 6, 3—II. Кол. 2, 12—13). Это самое главное в таинстве Крещения.

4. Облачение новокрещеного

Сразу же после троекратного погружения в воду новокрещеный облачается в белую одежду. В настоя-

щее время это новая белая рубашечка для младенцев и белая сорочка для взрослого новокрещеного.

Облачение в «ризу светлу» после Крещения знаменует, прежде всего, возвращение человека к целостности и невинности, которыми он обладал в раю, восстановление его истинной природы, искаженной грехом. Святой Амвросий, епископ Медиоланский, сравнивает эту одежду с блистающими ризами Христа, преобразившегося на горе Фавор. Преобразившийся Христос явил Себя ученикам не в обнаженном виде, но в одежде «белой, как свет», в нетварном сиянии Божественной славы. Не во грехе, а в раю явлена истинная природа человека; и в таинстве Крещения он вновь обретает свое изначальное одеяние славы.

Вместе с белою одеждою возлагается на новокрещеного крест – в знак того, что теперь он должен исполнить волю Распятого за нас на кресте Господа нашего Иисуса Христа, хотя бы верующему пришлось терпеть и переносить множество бед и неожиданных несчастий.

5. Крестные родители – восприемники

Обычай иметь восприемников при Крещении восходит к древнейшему Апостольскому Преданию.

По Требнику, необходимым считается только один восприемник – мужчина для крещаемого лица мужского пола или женщина для лица женского пола. Но по укоренившейся традиции бывает двое восприемников: мужчина и женщина.

При Крещении младенцев восприемники приносят и держат на руках своих крестных детей на протяжении всего чинопоследования, причем, если восприемников двое, то мальчика может держать крестная мать, а девочку – крестный отец вплоть до погружения в купель. После троекратного погруже-

ния младенца в купель, он возвращается на руки своему восприемнику (того же пола, что и младенец), который должен иметь в руках чистую пеленку или полотенце, чтобы вытереть тело ребенка. Восприемник должен знать Символ веры и прочесть его в соответствующий момент; кроме того, он дает ответы на вопрошения священника об отречении от сатаны и сочетании со Христом. Впоследствии, по достижении ребенком сознательного возраста, восприемник должен объяснить ему основы Православной веры. Эти обязанности предполагают, конечно, что сам восприемник – крещеный и православно верующий человек, знакомый с содержанием Священного Писания, знающий основные молитвы, посещающий церковные богослужения.

Не допускаются к восприемничеству монахи и монахини; также и родители не могут быть восприемниками собственных детей. Вообще супруги не могут быть восприемниками при крещении одного младенца, но при этом мужу и жене разрешается быть восприемниками разных детей одних и тех же родителей, но разновременно.

В крайнем случае допускается Крещение и без восприемников, тогда сам священник считается крестным.

6. О совершителе Крещения

Право совершать таинство Крещения принадлежит прежде всего приходскому священнику, законно рукоположенному и не находящемуся под запрещением.

Опасно больной ребенок может быть крещен при отсутствии священника диаконом, псаломщиком и даже мирянином: мужчиной или женщиной. Мирянин, взявший на себя по нужде совершение таинства Крещения, должен быть верующим христиани-

ном и отдавать себе отчет о важности этого таинства. Кроме того, он должен правильно произнести тайносовершительные слова: «Крещается раб Божий (раба Божия) (назвать имя крещаемого(ой) во имя Отца (первое погружение) аминь, и Сына (второе погружение) аминь, и Святаго Духа» (третье погружение) аминь». Крещеный таким образом человек по выздоровлении должен быть доставлен к священнику вместе с лицом, совершившим Крещение. Священник, предварительно убедившись путем подробного опроса в том, что Крещение совершено правильно, лишь довершает Крещение и совершает таинство Миропомазания.

Если же выяснилось, что Крещение совершено неправильно; не в три погружения, с искаженной или вообще неправильной тайносовершительной формулой, а также, если человек, совершивший Крещение, неверующий, некрещеный или иноверец (мусульманин, иудаист, буддист), то священник должен совершить таинство Крещения и Миропомазания по обычному чинопоследованию.

Если взрослый человек желает креститься, но не знает, был ли он крещен в младенчестве, и нет возможности навести справку об этом, то священнику следует крестить его, с прибавлением слов «аще не крещен», так как второе Крещение по неведению не вменяется в вину крещаемому. Так же следует поступать и в тех случаях, когда младенец был якобы крещен мирянином, но не удалось установить, правильно ли было совершено таинство.

Священник Михаил Воробьев

Кого звать в кумовья, или как выбрать крестных родителей для своего ребенка

Моему другу, студенту-филологу, как-то пришлось сдавать экзамен по русской литературе XVIII столетия. Вытянув билет, он с огорчением обнаружил, что рассказывать ему придется о мотивах Просвещения в творчестве совершенно неизвестного ему Антиоха Кантемира. Приготовленную шпаргалку удалось развернуть только на секунду; под пристальным взглядом преподавателя она снова вернулась в укромное местечко, где спасалась уже до конца экзамена. Натренированный студент успел, однако, в то короткое мгновение, когда шпора была в руках, прочесть название единственного произведения молдавского просветителя. Однако явление текста было настолько стремительным, что буковки как-то слились, и «Ода к уму своему» в сознании взволнованного студента превратилась в «Оду куму своему». Припомнив, что ода является жанром хвалебным, он с воодушевлением начал рассказывать изумленному профессору, каким замечательным человеком был кум Кантемира, какие прогрессивные идеи ему принадлежали, и какие великие надежды питал Антиох по отношению к этому своему родственнику. Выслушав ответ, преподаватель задал только один дополнительный вопрос: кем в отношении родства доводился Кантемиру адресат оды? Но объяснить, какую степень родства означает слово «кум», студент уже не мог.

Между тем, в прошлом кум – человек, которого

приглашали быть крестным отцом новорожденного ребенка, - становился духовным родственником и своего крестника, и его родителей, практически становясь членом их семьи. Кум и кума почитались самыми близкими людьми, их присутствие было обязательным во время всех значительных семейных событий.

Сейчас, собравшись крестить ребенка, молодые родители особенно не задумываются о том, кого выбрать крестными. Обычно это почетное право предоставляется близким друзьям или родственникам, которые, выполнив нехитрые действия во время совершения Таинства и откушав всевозможных яств за праздничным столом, редко вспоминают о своих обязанностях, напрочь забывая иногда и о самих крестниках.

Между тем, быть крестным - это не только возможность стать другом семьи своего крестника, не только право быть любимым и почетным гостем, но и серьезные обязанности, выполнить которые может далеко не каждый.

Таинство Крещения делает человека христианином, вводит его в Церковь, открывает ему возможность пользоваться благодатью Святого Духа, которая в Церкви всегда присутствует. Первоначально Церковью была община апостолов - ближайших учеников Иисуса Христа, на которых Святой Дух видимым образом сошел в пятидесятый день после Воскресения Христова. Затем в Церковь вошли люди, которые обрели веру в божественное достоинство Иисуса Христа в результате апостольской проповеди. Крещение, которое превращало верующего человека в члена Церкви, совершалось апостолами не только над взрослыми людьми, но и над детьми. Например, апостол Петр крестил римского сотника Корнилия вместе со всеми его домочадцами, среди которых были, конечно, и дети (Деян.10, 48).

Для взрослого человека основанием для принятия

Крещения является вера. Ребенок, тем более, новорожденный младенец, ничего о своей вере сказать не может. Однако оставлять его вне Церкви до того, как он станет взрослым, никак нельзя, поскольку только в Церкви есть благодать, необходимая для его правильного возрастания, для сохранения его телесного и духовного здоровья. Поэтому Церковь совершает Таинство Крещения над младенцем и сама принимает на себя обязательство воспитывать его в православной вере, заботливо оберегая от всех вредоносных воздействий. Церковь состоит из людей. Свое обязательство правильно воспитывать крещеного ребенка она осуществляет через тех, кого называет восприемниками или крестными родителями.

Крещение по учению Церкви – это второе рождение, то есть «рождение от воды и Духа» (Ин. 3, 5), о котором, как о необходимом условии спасения, говорил Иисус Христос. Если физическое рождение является вхождением человека в мир, то Крещение становится вхождением в Церковь. И принимают младенца в его духовном рождении восприемники – новые, крестные родители, поручители перед Богом за веру принятого ими нового члена Церкви. Таким образом, восприемниками могут быть только православные, искренне верующие взрослые люди, способные научить крестника основам веры. Воцерковленность крестных доказывается тем, что во время совершения Таинства Крещения один из них читает Символ Веры.

Обязательства, которые принимают на себя перед Богом восприемники, очень серьезны. Это, прежде всего, забота о правильном духовном развитии своего крестника. Поэтому крестные родители должны быть не только крещеными людьми, но должны хорошо знать, в чем состоит православная вера, каковы основные вероучительные принципы Православия, каково содер-

жание церковной жизни. Крестные обязаны научить своих крестников прибегать к спасительным Таинствам Церкви, главным образом Исповеди и Причащения, дать им знание о смысле богослужения, особенностях церковного календаря, о благодатной силе чудотворных икон и других святынь. Крестные должны приучать своих духовных чад посещать церковные службы, поститься и соблюдать другие требования церковного Устава. В обязанности крестных входит и забота о защите своих крестников от всевозможных соблазнов и искушений, которые особенно опасны в детском и юношеском возрасте. Крестные, зная способности, дарования и особенности характера детей, воспринятых ими от купели, могут помочь им определить их жизненную стезю, посоветовать в выборе образования и подходящей профессии. Немаловажен и совет в выборе супруга: по обычаю Русской Церкви именно крестные родители готовят свадьбу для своего крестника. И вообще, в тех случаях, когда физические родители не имеют возможности материально обеспечить своих детей, эту обязанность принимают на себя, в первую очередь, не бабушки и дедушки или другие родственники, а крестные родители. Традиция, издавна укоренившаяся в Русской Православной Церкви, предполагает, что нательный крестик для Крещения приобретает крестный отец; крестная мать обязана приготовить «приданое» для младенца, в которое входят пеленки, рубашки и другие необходимые вещи.

Обязанности восприемников настолько многочисленны, а ответственность перед Богом за судьбу крестника настолько велика, что, хотя церковный Устав предусматривает наличие единственного восприемника (крестного отца для мальчика и крестной матери для девочки), в Русской Православной Церкви в глубокой древности сложилась традиция приглашать при крещении ребенка двух крестных.

Легкомысленное отношение к обязанностям крестного является тяжким грехом, поскольку от этого зависит судьба крестника. Поэтому не стоит бездумно соглашаться на приглашение стать восприемником, особенно если один крестник уже есть. Отказ идти в кумовья также не следует воспринимать как обиду или пренебрежение.

Восприемники входили в семью своего крестника на правах самых близких родственников. Забота о расширении круга людей, которые будут серьезно помогать родившемуся чаду, делала нежелательным приглашение в качестве кума и кумы ближайших физических родственников. Считалось, что они и так, в силу природного родства, будут помогать ребенку, а крестные – в силу родства духовного. По этой же причине старались не допускать того, чтобы у братьев и сестер не было одного и того же крестного или одной и той же крестной. Поэтому родные бабушки и дедушки, братья и сестры, дяди и тетки становились восприемниками только в крайнем случае; возможностью расширения семьи за счет духовного родства никогда не пренебрегали.

Церковь считает духовное родство столь же реальным, как и родство природное. Поэтому во взаимоотношениях духовных родственников существуют такие же особенности, как и в отношении родственников природных. Духовное родство серьезно учитывается в гендерных отношениях, главным образом при заключении браков. Церковное законодательство о препятствиях к браку, вызванных духовным родством, содержится в 63 правиле VI Вселенского собора, в Кормчей книге (ч. II, гл. 50), в Номоканоне (правило 211), а также в документах высшего органа церковного управления – Синода.

VI Вселенский собор признавал существование ду-

ховного родства только между восприемниками, их крестниками и их физическими родителями. Браки между указанными лицами были строго запрещены, включая браки между крестным отцом и крестной матерью одного и того же ребенка. По Кормчей и Номоканону браки между восприемниками и их потомками, с одной стороны, и крестниками с их потомками, с другой, воспрещались до 7 степени. Между восприемниками и их плотскими детьми, с одной стороны, и родителями крестника и его братьями и сестрами браки запрещаются до 4-й степени. Родством духовным соединяются между собою лица, воспринятые одним и тем же восприемником, а также потомки одного из крестников с потомками другого. Брак в этом родстве запрещался до 7-й степени. В XIX столетии столь жесткие ограничения были смягчены несколькими постановлениями Святейшего Правительствующего Синода. В настоящее время Русская Православная Церковь в вопросе о браках духовных родственников придерживается только 63-го правила VI Вселенского собора: невозможны браки между восприемниками и их крестниками, восприемниками и физическими родителями крестника и восприемников между собой. При этом мужу и жене разрешается быть восприемниками разных детей в одной и той же семье. Брат и сестра, отец и дочь, мать и сын могут быть крестными одного и того же ребенка. Беременность крестной матери является вполне допустимым состоянием для участия в Таинстве Крещения.

С учетом этих простых правил и следует приглашать крестных для родившегося ребенка, не забывая о главной обязанности восприемников: воспитывать своих крестников верными чадами Православной Церкви.

Таинство Миропомазания

Епископ Илларион Алфеев

МИРОПОМАЗАНИЕ

Установление таинства Миропомазания восходит к апостольским временам. В первоначальной Церкви каждый новокрещеный получал благословение и дар Святого Духа через возложение рук апостола или епископа. В Деяниях говорится о том, что Петр и Иоанн возложили руки на самарян, чтобы они приняли Святого Духа, «ибо Он не сходил еще ни на одного из них, а только были они крещены во имя Господа Иисуса» (Деян. 8:16). Сошествие Святого Духа сопровождалось иногда видимыми и ощутимыми проявлениями благодати: люди начинали говорить на незнакомых языках, пророчествовать, совершать чудеса, как это случилось с апостолами в праздник Пятидесятницы.

Возложение рук являлось продолжением Пятидесятницы, так как сообщало дары Святого Духа. Впоследствии с умножением христиан из-за невозможности личной встречи каждого новокрещеного с епископом рукоположение было заменено Миропомазанием. В Православной Церкви Миропомазание совершает священник, однако само миро (благовонное масло) приготовляется епископом. Миро варится из различных элементов (насчитывается до 64-х элементов: елей, бальзам, смолы, благовонные вещества), и в современной практике правом приготовления мира обладает только глава автокефальной Церкви (патриарх, митрополит). В Москве, например, Патриарх Московский и всея Руси совершает чин мироварения один

раз в несколько лет и затем раздает освященное миро на приходы, таким образом, благословение патриарха получает каждый, кто становится членом Церкви.

В апостольских посланиях дар Святого Духа, которым обладают христиане, иногда называется «помазанием» (1 Ин. 2:20, 2 Кор. 1:21). В Ветхом Завете через помазание совершалось поставление человека на царство: «И взял Самуил сосуд с елеем и вылил на голову его (Саула) и поцеловал его, и сказал: вот, Господь помазывает тебя в правителя наследия Своего» (1 Цар. 10:1). Поставление на священническое служение совершалось тоже через миропомазание: «Возьми себе самых лучших благовонных веществ: смирны... корицы... тростника благовонного... кассии и масла оливкового... и сделай из сего миро для священного помазания... И помажь... Аарона и сынов его, и посвяти их, чтобы они были священниками Мне... тела прочих людей не должно помазывать им, и по составу его не делайте ... подобного ему; оно – святыня» (Исх. 30:23–26, 30, 32).

В Новом же Завете нет деления на «посвященных» и «прочих»: в Царстве Христа все являются «царями и священниками» (Апок. 1:6), «родом избранным», «людьми, взятыми в удел» (1 Пет. 2:9), а потому помазание совершается над каждым христианином.

Через Миропомазание человек получает «печать дара Духа Святаго». Как поясняет протопресвитер Александр Шмеман, речь идет не о различных «дарах» Святого Духа, а о самом Святом Духе, Который сообщается человеку как дар. Об этом даре Христос говорил ученикам на Тайной Вечери: «...Я умолю Отца, и даст вам другого Утешителя, да пребудет с вами вовек, Духа истины» (Ин. 14:16–17); и «Лучше для вас, чтобы Я пошел; ибо, если Я не пойду, Утешитель не приидет к вам; а если пойду, то пошлю

Его к вам» (Ин. 16:7). Крестная смерть Христа сделала возможным дарование нам Святого Духа, и во Христе мы становимся царями, священниками и христами (помазанниками), получая не ветхозаветное священство Аарона, или царство Саула, или помазание Давида, но новозаветное священство и царство Самого Христа. Через Миропомазание мы становимся сынами Божьими, потому что Святой Дух есть «дар усыновления» («сыноположения дарование», как читается в Литургии святителя Василия Великого).

Так же как и благодать Крещения, дар Святого Духа, получаемый в Миропомазании, должен быть не просто пассивно воспринят, но активно усвоен. В этом смысле преподобный Серафим Саровский говорил, что цель жизни христианина – «стяжание Святого Духа». Божественный Дух получен нами в залог, но Его предстоит стяжать, то есть приобрести, войти в обладание им. Святой Дух в нас должен принести плод. «Плод же духа: любовь, радость, мир, долготерпение, благость, милосердие, вера, кротость, воздержание... Если мы живем духом, то по духу и поступать должны», – говорит апостол Павел (Гал. 5:22, 25). Все таинства имеют смысл и являются спасительными только в том случае, если жизнь христианина соответствует дару, который он получает.

ТАИНСТВО ПРИЧАЩЕНИЯ (ЕВХАРИСТИЯ)

Для чего нужно причащаться? Как к этому следует готовиться?

Причащение Тела и Крови Христовой – одно из Таинств Православной церкви, к которому должен периодически приступать каждый верующий человек. Причащение совершается во время Божествен-

ной литургии - богослужения, совершаемого в храмах с утра. Причастие столь же необходимо для нашей души, как и питание для тела; оно укрепляет наши душевные силы, врачует душевные недуги и помогает бороться с греховными пристрастиями. Кроме того, причащаясь, мы свидетельствуем свое единство с Церковью; в первые века Христианства человек, именующий себя верующим, но не преступавший к причастию, отлучался от Церкви и не считался верующим христианином. Чтобы достойно причаститься Святых Христовых Тайн, следует должным образом к этому подготовиться. В течение определенного времени перед причастием (как минимум, три дня) нужно поститься - не вкушать скоромной пищи, - воздержаться от развлечений и мирских удовольствий; это время следует посвятить размышлению о своей жизни, о грехах, в которых предстоит исповедоваться. Накануне причащения желательно побывать на вечернем богослужении и прочитать по Молитвослову (эту книгу, необходимую для каждого верующего, можно приобрести в каждом храме) правило ко Причащению. Утром в день причастия следует прийти в храм заранее, до начала богослужения. Накануне причастия - с полуночи и утром - нельзя есть, пить и курить (для тех, кто подвержен этой вредной привычке). Перед причастием взрослым людям и детям, начиная с 7-летнего возраста, нужно исповедаться; исповедь в церкви обычно начинается перед Божественной литургией.

Причащение совершается в конце Литургии. Верующие, допущенные к причастию священником, по очереди подходят к амвону (возвышенному месту перед иконостасом), на которой стоит священник с Чашей. Подходя к причастию, следует сложить руки крестообразно на груди, назвать свое имя; после того,

как вас причастили и отерли уста платом, нужно поцеловать нижнюю часть Чаши и отойти к тому месту, где церковнослужители раздают причастникам «запивку» – частички антидора или просфор и вино, разведенное горячей водой.

В Таинстве Причащения мы воспринимаем в себя Божественную жизнь, причащаясь Тела и Крови Христовых. Выходить из церкви после причастия можно лишь после того, как вы поцелуете крест, выносимый священником по окончании Божественной литургии. После причастия следует особенно усердно следить за тем, чтобы должным образом сохранить в себе духовные дарования, подаваемые в Таинстве Причащения. По возможности следует удаляться от обыденных разговоров, не заниматься повседневными делами; причастившемуся лучше всего посвятить день причастия богоугодным делам, чтению духовных книг, делам милосердия и любви к ближним.

Как часто нужно причащаться?

Этот вопрос каждый верующий может решить, лишь посоветовавшись со священником. В любом случае, к Таинству Причащения нужно приступать не реже 1 раза в год; можно причащаться в каждом из четырех многодневных постов церковного года. Следует соблюдать главное правило – частота причащения должна соответствовать уровню вашей духовной жизни; именно поэтому совет священника-духовника в данном случае необходим.

В церковном году есть особый день – Великий Четверг (последний четверг перед Пасхой), когда мы воспоминаем установление Господом Иисусом Христом Таинства Причащения. В этот день, по древней церковной традиции, все верующие стараются причаститься Святых Христовых Тайн.

Что нужно сделать для причащения больного, который сам не может дойти до церкви?

В этом случае нужно священника пригласить домой к больному, чтобы причастить его на дому Запасными Святыми Дарами.

Перед причастием больному с полуночи не следует есть и пить. Безусловно желательно, чтобы больной сам или при помощи других прочитал правило ко причащению. К приходу священника у его постели нужно приготовить столик, на котором должны находиться икона и зажженная лампада или свеча. После прихода священника и приготовления им всего необходимого для причащения родные или близкие должны предусмотреть возможность на некоторое время удалиться из помещения, где находится больной, чтобы дать ему возможность исповедаться в спокойной обстановке.

Если не будете есть Плоти Сына Человеческого и пить Крови Его, то не будете иметь в себе жизни. Ядущий Мою Плоть и пиющий Мою Кровь имеет жизнь вечную, и Я воскрешу его в последний день «Ядущий Мою Плоть и пиющий Мою Кровь пребывает во Мне и Я» (Ин. 6, 53–56).

Епископ Михаил Астраханский и Енотаевский

Евхаристия по учению Православной Церкви[1]

Если, как это принято в богословии, днем рождения Церкви считать день сошествия Святого Духа на апостолов, то следует признать, что Евхаристия древнее самой Церкви, ибо впервые была совершена Самим Господом Иисусом Христом совместно с Его апостолами во время Тайной Вечери, непосредственно перед Его страданиями и смертью, о чем свидетельствуют все евангелисты - синоптики (Мф. 26, 26-29; Мк. 14. 22-25; Лк. 22, 19-20), а также апостол Павел (1 Кор. 10, 16-17; 11, 23-29).

Евхаристия, в отличие от некоторых других проявлений церковной жизни, обладает удивительной универсальностью. Хотя между отдельными вероисповеданиями имеют место существенные расхождения в понимании сущности и смысла Евхаристии, однако почти все они содержат ее, как и Крещение, в своем вероучении и практике, все понимают ее высокое значение, требующее сознательного, искреннего и благоговейного отношения от всех ее участников.

Высокое значение Евхаристии в жизни Церкви в целом и каждого сознательно относящегося к своей церковной принадлежности христианина в частности, и особенно православного, основывается на ее церковно-догматическом понимании.

---

[1]Сокращенное изложение доклада магистра богословия епископа (ныне — архиепископ) Астраханского и Енотаевского Михаила, прочитанного им на Втором Православно-Реформатском собеседовании в Ленинграде в октябре 1976 года.

Православная Церковь смотрит на Евхаристию как на одно из таинств, обладающее всеми свойствами такого рода церковных священнодействий. Как и другие таинства, Евхаристия характеризуется богоустановленностью и благодатным спасительно-освящающим действием, неразрывно связанным с определенными внешними действиями. Именно благодатное воздействие на душу христианина, содействующее его вечному спасению, является основной целью совершения Евхаристии.

Обязательность Причащения для каждого христианина обусловлена Самим Господом; устанавливая таинство Евхаристии, Он сказал не только «Сие есть Тело Мое» и «Сия есть Кровь Моя», но предварил эти слова призывом «приимите, ядите» и соответственно – «пейте из нее (чаши) все» (Мф. 26, 26–27), а повелением «сие творите в Мое воспоминание» (Лк. 22, 19) показал, что призыв этот относится не только к присутствовавшим на Вечери апостолам, но и ко всем Его последователям всех времен и народов. И христиане с самого начала существования Церкви считали регулярное Причащение обязательным для каждого из них.

Сам Господь Иисус Христос живет и действует в Церкви целостно, как Единая Личность, и так же целостно воспринимается и переживается отдельным христианином через его веру, надежду и любовь. Аналогично целостно и в общецерковном плане, и в субъективном восприятии переживается и общение со Христом в таинстве Евхаристии.

В первую очередь следует говорить об Евхаристии (с греч. – «благодарение») как о благодарном воспоминании о Самом Господе Иисусе, о совершенном Им спасении, то есть о всей Его земной жизни и особенно о Его страданиях, смерти, воскресении и

вознесении. Такое, пожалуй, наиболее общее восприятие Евхаристии, свойственное не только Православию, но и всему христианскому миру, основывается на ясных указаниях Самого Господа.

В качестве другого, можно сказать, центрального аспекта Евхаристии следует выделить пресуществление хлеба и вина в Тело и Кровь Христовы при произнесении священником соответствующих молитвенных прошений (консекрация). Сам термин «пресуществление» - западного происхождения (transsubstantiatio) - известен с конца XI столетия и встречается в догматическом определении IV Латеранского собора (1215 г.). На Востоке он вошел в употребление с XV столетия, см., например, слово Патриарха Константинопольского Геннадия.

Некоторые богословы пытались возражать против этого термина, уже давно нашедшего общеправославное применение (см., например, «Пространный Православный катехизис Православныя Церкви», раздел «О десятом члене Символа веры», параграф «О причащении»), считая, что термин «преложение» (μεταβαλον) ближе к истине выражает евхаристическое тайнодействие. Однако никто еще не мог установить сущность этого терминологического расхождения.

Ведь все богословские школы как Востока, так и Запада справедливо отмечают бесполезность попыток раскрытия ответа на вопрос, как совершается благодатная сущность таинства, указывая, что для нас достаточно в доступной нам степени уразуметь, что именно совершается, По-видимому, причины бесплодности терминологических пререканий кроются именно в том, что они представляли собой попытку проникновения в это «как». При пресуществлении (иначе называемом преложением, преобразованием, претворением) хлеб и вино действием Святого Духа суб-

станциально изменяются в истинные Тело и Кровь Христовы так, что от хлеба и вина остается только чувственно-внешний образ, иначе совокупность физических свойств (акциденций), доступных нашему чувственному восприятию, но не имеющих причинной связи с их носителем, каким является субстанция Тела и Крови Христовых. Этой субстанции, как таковой, присуща совокупность совсем иных акциденций, но они остаются недоступными человеческому восприятию. Сохранение физических свойств прелагаемых евхаристических элементов вопреки изменению их сущности объясняется только милостивым снисхождением Божиим к человеку. Об этом хорошо пишет св. Иоанн Дамаскин: «Хлеб и вино берутся потому, что Бог знает человеческую немощь, ибо в большинстве случаев она с досадой отвращается от того, что сделано не согласно с обычаем. Потому совершает то, что выше естества» («Точное изложение православной веры», VI, 13. СПб., 1894, с. 222).

Есть еще важное обстоятельство общедогматического порядка, почему нам не дано видеть и вкушать в Евхаристии Тело и Кровь Христовы в их естественном виде. Ощутимое для наших органов чувств превращение устраняло бы возможность и надобность восприятия Святого Таинства верой. Поистине здесь особенно применимы слова Спасителя: «Блаженны не видевшие и уверовавшие» (Ин. 20, 29). Здесь уместно также вспомнить слова св. Кирилла, архиепископа Иерусалимского: «Если даже чувствами тебе кажется нечто иное, вера должна служить для тебя ручательством истины. Суди не по вкусу, а по силе веры, убежденный в том, что ты сподобился Тела и Крови Христовых» («IV Тайноводственное оглашение», 1–3).

Убежденность Православной (так же как и Ка-

толической) Церкви в реальности пресуществления основывается прежде всего на установительных словах Иисуса Христа: «Сие есть Тело Мое» и «Сия есть Кровь Моя». Непререкаемость этого прямого утверждения столь очевидна, что даже Мартин Лютер, понимавший таинство Евхаристии отнюдь не идентично с учением Вселенской Церкви, все же настойчиво отстаивал реальность Тела и Крови Христовых во время Марбургского диспута с Цвингли в 1529 г. и на острые выступления своего оппонента отвечал тем, что писал на столе «Hoc est corpus meum» («Сие есть Тело Мое»), «Hoc est sanguis meus» («Сия есть Кровь Моя»), считая, что эти слова Христовы говорят сами за себя. Как известно, наряду с реалистическим пониманием, с древних времен в истории христианской мысли существует также и символическое понимание, согласно которому хлеб и вино являются лишь символами Тела и Крови Христовых, их «образом», который только напоминает, или самое большее, символизирует Христа, отдавшего жизнь для спасения многих и питающего Своих учеников Своим словом. Хотя к этому взгляду были близки некоторые учители и отцы Церкви (Ориген, св. Афанасий, отчасти св. Василий Великий и другие), однако символическое понимание во Вселенской Церкви не утвердилось, и с течением времени все большее число авторитетных отцов выступало с утверждением о реальности Тела и Крови Христовых в Евхаристии под видом хлеба и вина.

Субстанциальность Тела и Крови Христовых, имеющих лишь чувственный образ хлеба и вина, является логическим основанием отношения православного христианина к ним как к величайшей святыне, которая пребывает таковой также и вне акта Причa-

щения[2]. Естественно, что созерцание их христианином, тем более прикосновение к ним, сопровождается переживанием глубокого благоговения, находящего себе и внешнее выражение в молитвенном поклонении. Такое отношение к Святым Дарам (так часто называются в Церкви Тело и Кровь Христовы) находит себе отражение и в литургической практике. Так, Святые Дары хранятся длительное время в подсушенном состоянии и используются для причащения больных в домашних условиях.

Все остающееся в Чаше после причащения совершающего литургию духовенства и мирян подлежит немедленному потреблению священником или диаконом по окончании литургии, при которой Дары были освящены.

Если первый из рассмотренных аспектов таинства Евхаристии, то есть исполненное благодарности воспоминание о совершенном Иисусом Христом деле искупления и спасения, относится в основном к сфере субъективных переживаний, то второй – преложение Святых Даров – является метафизической реальностью, то есть представляет собой не зависящую от наших чувств объективную реальность.

Следующий аспект великого христианского Таинства, подлежащий теперь нашему рассмотрению,

---

[2]«Хотя хлеб и вино в таинстве Евхаристии претворяются собственно в Тело и Кровь Господа, но Он присутствует в сем таинстве... всем Существом, то есть и Душою Своею, Которая нераздельно соединена с Его Телом, и Самым Божеством Своим, Которое ипостасно и нераздельно соединено с Его человечеством» (Митрополит Макарий. Православное догматическое богословие, II, с. 402–403). Аналогичную мысль мы встречаем уже у св. Иоанна Дамаскина: «Сие таинство называется Причащением, потому что чрез оное мы делаемся причастниками Божества Иисусова» (Св. Иоанн Дамаскин. Точное изложение православной веры, IV).

подразумевает синтез того и другого – объективной, вне нас существующей, реальности и ее восприятия христианином. Иначе говоря, речь идет о воздействии таинства Евхаристии на его активного участника, который, присутствуя при совершении Таинства и молитвенно в нем соучаствуя, завершает свое участие личной активностью – вкушением Тела и Крови Христовых.

Православное определение воздействия Таинства на его участников вытекает из слов Спасителя: «Ядущий Мою Плоть и пиющий Мою Кровь имеет жизнь вечную, и Я воскрешу его в последний день. Ибо Плоть Моя истинно есть пища, и Кровь Моя истинно есть питие. Ядущий Мою Плоть и пиющий Мою Кровь пребывает во Мне, и Я в нем. Как послал Меня живый Отец, и Я живу Отцом, так и ядущий Меня жить будет Мною» (Ин. 6, 54–57).

В соответствии с этим евангельским высказыванием Вселенская Церковь издревле учила, что, вкушая Тело и Кровь Христовы, христианин физически и духовно соединяется со Христом, вступает с Ним в предельно близкое и тесное общение, чем осуществляется духовное возвышение, озарение и освящение причащающегося. В какой-то степени здесь можно говорить об обожении христианина.

Освящение, просвещение и обожение христианин получает только, если приступает к Святому Причащению с соответствующим духовным расположением, которое характеризуется сознанием святости и величия Таинства, желанием в нем участвовать осознанием собственного недостоинства, благоговением, наконец, благодарностью Богу за спасение, совершенное Им во Христе Иисусе, и, в частности, за допущение к преподаваемой Святыне. Диапазон этих переживаний, мыслей и чувств может быть, разумеется,

значительно расширен в зависимости от степени духовного развития причастника, в том числе и от его богословской осведомленности. Так, если он знаком с евангельским повествованием о Тайной Вечере, о страданиях и смерти Спасителя, то может предаваться соответствующим воспоминаниям, чувствам благодарности и восторженной любви и преданности к Тому, Кто первым возлюбил нас (1 Ин. 4, 19).

Если кто-либо подходит к Причащению с холодным равнодушием и безразличием, как к внешнему действию (обряду), совершаемому по мертвой традиции (по обычаю), подходит или по привычке, или по соображениям общественного мнения, или в угоду близким людям, или по каким-либо другим, не имеющим отношения к сущности таинства мотивам, то к нему полностью относятся слова апостола Павла: «Кто будет есть хлеб сей или пить чашу Господню недостойно, виновен будет против Тела и Крови Господней. Да испытывает же себя человек, и таким образом пусть ест от хлеба сего и пьет из чаши сей. Ибо, кто ест и пьет недостойно, тот ест и пьет осуждение себе, не рассуждая о Теле Господнем» (1 Кор. 11, 27–29).

Может показаться, что здесь под «достойным» участием в Евхаристии имеется в виду полная безгрешность, однако такое понимание противоречило бы факту всеобщей греховности. (1 Ин. 1, 8; Рим. 3, 23): ведь и ученики Христовы, как мы знаем, отнюдь не были безгрешными, однако Христос безоговорочно допустил их к причащению на Тайной Вечере.

Чтобы побудить православного человека к сознательному и благоговейному участию в Евхаристии, Церковь принимает ряд мер: она рекомендует (а Русская Православная Церковь даже предписывает) исповедоваться (то есть приступать к таинству Испове-

ди) перед каждым причащением, а перед исповедью и причащением соблюдать пост, неоднократно присутствовать при богослужениях, читать особые молитвы. Наконец, перед самым причащением священник, держа в руке Чашу с Телом и Кровью Христовыми, совместно со всеми приступающими к причащению произносит краткую молитву «Верую, Господи, и исповедую...», где в торжественных, но кратких выражениях как бы суммируется вся предшествующая подготовка к участию в таинстве.

Единение христиан между собою, осуществляемое в таинстве Евхаристии, – прямое следствие всего, что являлось содержанием сказанного выше о глубоком единении причащающегося со Христом, Тело и Кровь Которого он принимает и усваивает телесно, одновременно переживая это соединение духовно. Общеизвестен факт, что даже в бытовых условиях тяготение к общему центру, к одной личности, к общему делу и т. д. взаимно сближает людей, создает между ними определенную степень духовного родства, возбуждает чувство взаимной принадлежности и любви. Тем более эта закономерность естественна в религиозной жизни. Настоящая любовь к Богу, с пришествием Христа ставшая доступной для каждого человека (Ин. 14, 6, 9–11), влечет за собой взаимную любовь всех боголюбцев. В этом основа взаимной сопряженности двух основных заповедей о любви к Богу и ближним, на которых утверждается весь закон и пророки (Мф. 22, 35–40; Мк. 12, 28–34): в этом связь между званием учеников Христовых и их взаимной любовью (Ин. 13, 35).

С другой стороны, взаимная любовь христиан, вырастающая на почве их любящей устремленности к Богу Отцу через Христа действием Святого Духа, не только является показателем и признаком наличия

любви к Богу (1 Ин. 4, 20), но и сама содействует укреплению и развитию этой любви (1 Ин. 4, 12, 16). По существу молитва Иисуса Христа о единении Его учеников (Ин. 17, 11, 21) есть молитва об осуществлении между ними той взаимной любви, которую Он перед тем им неоднократно заповедал, преподав эту заповедь как некое завещание (Ин. 13, 34; 15, 12–14,17).

Аналогичные зависимости имеют место и в евхаристическом плане, ибо Евхаристия была бы немыслима без любви Божией к людям и без ответной любви приходящих к этому таинству. Любовь Божия к людям и Его забота об их спасении возвела Сына Божия на Крест, а Евхаристия является воспроизведением Креста; в ней тоже проявляется любовь Божия к спасаемым людям, и как Бог привлекает всех к подножию Креста, иначе – к ответной любви к Распятому, так привлекает Он и к Чаше, к которой можно подходить только с верой и любовью. В Евхаристии, так же как и в жизни, христиане обращены ко Христу, что имеет следствием и их взаимное духовное единение в устремленности к общему, единому центру. Очевидно, что наличие этой устремленности является условием, без которого нельзя достичь и евхаристического единения друг с другом. Книга Деяний характеризует это состояние словами: «У множества же уверовавших было одно сердце и одна душа» (Деян. 4, 32), поэтому они ежедневно совершали евхаристическое общение (Деян. 2, 42, 46; 20, 7) и души их были исполнены веселия (Деян. 2, 46–47), как естественного плода постоянного, исполненного любви общения с Богом и друг с другом.

Православная Церковь допускает поэтому к евхаристическому общению, как правило, только своих членов, принимая со своей стороны, как уже было сказано, ряд мер для облегчения их духовной подго-

товки к каждому причащению. Она считает несостоятельными попытки объединяться за евхаристической трапезой не столько во Имя Христово и по любви к Нему, сколько ради укрепления добрых общечеловеческих отношений, из-за чего сама Евхаристия оказывается под угрозой выхолащивания ее христоцентричной сущности и превращения в трапезу бытовую. Можно также предполагать, что попытки осуществлять евхаристическое общение без достижения церковно-структурного единства чаще всего имеют подоплекой неуважение, во-первых, к церковному авторитету, а во-вторых, и к самим вероучительным истинам, которые оказываются в этих случаях предметом не благоговейного изучения, которое им подобает, а пренебрежительного отстранения как нечто маловажное и лишенное актуальности (подробно по этой проблеме см. статью автора «Евхаристия и единение христиан» в «Богословских трудах» № 7, с. 222–231).

Ограничение допуска к евхаристическому общению практиковалось в Церкви с древнейших времен. Так, по свидетельству святого Иустина мученика, «эта трапеза называется у нас Евхаристией. Никто не смеет принимать в ней участие, кроме тех, кто признает истинность нашего учения...» («Апология», 65–66). Из всего сказанного можно усмотреть, что евхаристическое общение христиан между собою имеет тесную связь с экклесиологией. Впервые это было отмечено апостолом Павлом в его учении о Церкви как о теле Христовом. Недвусмысленно сказав, что приобщение евхаристических хлеба и вина есть приобщение Тела и Крови Христовых, он добавляет: «Один хлеб, и мы многие одно тело; ибо все причащаемся от одного хлеба» (1 Кор. 10, 16–17). Эта глубокая мысль нашла свое отражение в древнейших памятниках христиан-

ской письменности. Так, в «Учении двенадцати апостолов» мы читаем: «Как сей преломляемый хлеб был рассеян по холмам и, собранный вместе, стал единым, так и Церковь Твоя от концов земли да соберется в Царствие Твое» (IX, 4).

Именно экклесиологический характер евхаристической проблемы заставляет думать, что решение ее в экуменическом плане возможно лишь на экклесиологической основе.

Евхаристия тесно сопряжена с экклесиологией не только онтологически, как акт, возможный лишь в условиях церковной жизнедеятельности, но и формально, где ее совершение обусловлено нормами канонического права. Одним из основных канонических условий евхаристической практики следует считать допустимость и действительность совершения Евхаристии только епископом или пресвитером, получившим канонически законное рукоположение. Это установление в Православной Церкви распространяется также и на все остальные таинства, за исключением Крещения, которое в случае необходимости может быть совершено и мирянином (см. «Православное исповедание», 1, вопр. 102),

Православная Церковь - апостольская, и это свойство ее отнюдь не сводится к сохранению, передаче и распространению апостольского учения, но включает в себя и преемственность харизматических способностей, полученных апостолами при сошествии на них Святого Духа в день Пятидесятницы. Благодатная способность совершать тайнодействия, в частности Евхаристию, передается от апостолов на их преемников - епископов через рукоположение. Оно, по свидетельству Священного Писания, есть внешний знак призвания и определения на служение, но также, и притом в первую очередь, таинственного низведения

особой благодати Святого Духа (Деян. 8, 17; 9, 17–18; 2 Тим. 1, 6–7). При этом происходит качественное изменение рукополагаемого не в сфере его нравственных или интеллектуальных свойств, а в виде приобретения им особого вида благодатной способности совершать таинства и сообщать пастве сопряженное с ними освящение и благословение.

Богоустановленность иерархии и присущая ей благодатная способность совершать таинства – общее убеждение отцов Церкви с древнейших времен. Так, св. Игнатий, призывая «не противиться епископу, чтобы нам быть покорными Богу...», обосновывает это тем, что, «повинуясь епископу и пресвитеру, вы будете освящены во всем» (Послание к Ефесянам, II, V). Святой Иоанн Златоуст писал о Евхаристии: «Великое это таинство совершают люди, но люди, поставленные распоряжаться небесным; они получили власть, которой не дал Бог ни Ангелам, ни Архангелам...» (Творения, 1, СПб., 1895, с. 417–418). «Один только священник имеет право предлагать Чашу Крови» (там же, VII, с. 479). Наконец, св. Григорий Богослов: «Где и кем совершалось бы у нас таинственное и горе возводящее богослужение... если бы не было священства?» (Творения, 1. М.., 1889, с. 14).

Поэтому не удивительно, что Церковь как в первые века христианства (Первый Никейский Собор, прав. 18), так и в более позднее время считала необходимым ограждать евхаристическую прерогативу священнослужителей, и в «Православном исповедании» мы можем прочесть: «Сего таинства, какая бы ни случилась необходимость, не может совершать никто другой, кроме законного священника» («Православное исповедание», вопр. 107).

Последним по порядку нашего рассмотрения, но отнюдь не последним по его значимости является

жертвенный аспект Евхаристии. Он естественно возникает на основе онтологически неразрывной связи, существующей между Тайной Вечерию и Голгофой, между Евхаристией и жертвенным характером и спасительным подвигом Иисуса Христа, особенно Его смерти на Кресте. Эта связь с большой силой выражена в анамнезе евхаристического канона св. Иоанна Златоуста: «Поминающе убо спасительную сию заповедь (то есть установительные слова таинства), и вся, яже о нас бывшая: крест, гроб, тридневное воскресение, на небеса восхождение, одесную седение, второе и славное паки пришествие, Твоя от Твоих Тебе приносяще...» и т. д.

Здесь провозглашается, что спасительная заповедь «Приимите, ядите, сие есть Тело Мое...» и «пиите от нея вси, сия есть Кровь Моя» преподана не сама по себе, а на основе спасения, совершенного на Кресте, преподана как способ постоянного памятования, то есть духовного переживания жертвенного подвига Христова. Отсюда целенаправленность евхаристического установления: уже для того, чтобы это памятование составляло содержание не только слов и внешних действий Евхаристии, но и переживания причастников, необходимо, чтобы и слова, и действия воспроизводили подлежащие переживанию события, прежде всего – страдания и крестную смерть Спасителя.

И нельзя не отметить явной аналогии между событием на Голгофе и евхаристическим тайнодействием.

Там, на Голгофе, было пригвождено на Кресте Пречистое Тело Христово и проливалась Его Кровь; здесь, на престоле, после освящения Даров Его Тело преломляется и с Кровью вкушается устами верных. Там от Креста исходит жизнь и спасение для всех, принимающих Распятого верой: здесь приступающие к Чаше «верою и любовию» становятся причастниками вечной

жизни (см. литургию Преждеосвященных Даров). Там восхождению на Голгофу предшествовала Тайная Вечеря, здесь пресуществлению и причащению предшествуют те же установительные слова, какие были сказаны Христом на Тайной Вечере, – слова, составляющие ее основное тайнодейственное содержание.

Если так очевидно и одновременно так глубоко соответствие между Голгофой и Евхаристией, то вполне закономерно и убеждение Вселенской Церкви в том, что это соответствие распространяется и на жертвенность, которая, по общехристианскому верованию, составляет средоточие голгофского события.

Христос как Первосвященник Нового Завета принес Себя на Кресте в жертву (Евр. 7, 26–28) погибающему во грехе, но любимому Богом человечеству.

Эта жертва воспроизводится в таинстве Евхаристии, которое есть тоже один из видов жертвенного самоуничижения, жертвенной самоотдачи Богочеловека ради обновления, освящения и спасения причащающихся: «Царь бо царствующих и Господь господствующих приходит заклатися и датися в снедь верным» («Да молчит всякая плоть человеча...» – песнопение литургии св. Иакова, которое поют также в Великую субботу за литургией св. Василия Великого).

Православное учение о жертвенном характере Евхаристии, так же как и учение о Евхаристии в целом, не являлось объектом четкой догматизации. Поэтому и в этом аспекте можно отметить наличие широкого простора для богословского мышления. Вероятно, этим можно объяснить расхождения в истолковании евхаристического жертвоприношения.

Древнейшим, идущим непосредственно от святоотеческого предания является понимание Евхаристии как жертвы благодарения и хвалы, то есть как молитвенной самоотдачи Богу всех участников таин-

ства, находящей себе выражение в принесении и возношении Тела и Крови Христовых.

Св. Иоанн Златоуст писал: «Первосвященник наш Оный принес жертву, очищающую нас; ту же жертву, которая тогда была принесена, приносим и мы ныне; это делается воспоминанием тогда бывшего. Не иную, но ту же всегда приносим, или лучше – совершаем воспоминание той жертвы («Беседа XVII на Послание к Евреям»).

Но наиболее яркое выражение Евхаристии как хвалебного жертвоприношения мы находим в литургических молитвословиях. Так, в молитве приношения Иоанна Златоуста мы читаем: «Господи Боже Вседержителю, Едине Святе, приемляй жертву хваления от призывающих Тя всем сердцем... удовли нас приносити Тебе дары же и жертвы духовные о наших гресех и о людских неведениях».

Заключительными словами анафоры св. отец говорит: «Еще приносим Ти словесную сию и бескровную службу...» Обозначение «службы сей» как «словесной» неоднократно повторяется и в конце евхаристического канона.

Все эти литургические выражения утверждают жертвенное значение Евхаристии, но, кроме того, свидетельствуют о хвалебном характере жертвоприношения.

Однако с давних пор, хотя и много позднее в Церкви утвердился взгляд на евхаристическую жертву как на умилостивительную. Весьма ясно это положение сформулировано у одного из русских догматистов первой половины прошлого столетия: «Евхаристия есть истинная Бескровная Жертва – и хвалебно-благодарственная, и умилостивительная, приносимая Богу Отцу «за всех и за вся»» (Архимандрит Арсений. Догматическое богословие Православной Восточной Кафолической Церкви. СПб., 1857, с. 230).

Это учение нашло свое выражение и в авторитетных вероучительных документах Православия. Так, в «Послании Восточных Патриархов», чл. XVII, говорится: «Еще веруем, что сия есть истинная умилостивительная жертва, приносимая за всех благочестиво живущих и умерших и, как сказано в молитвах сего таинства, преданных Церкви апостолами по повелению Господню, – «за спасение всех». Однако живет в Церкви и другая точка зрения, отрицающая или, по крайней мере, ставящая под сомнение умилостивительный характер евхаристического жертвоприношения. Прежде всего следует упомянуть о св. Григории Богослове, который решительно отрицал даже умилостивительное значение Голгофской Жертвы: «Кому и для чего пролита сия излиянная за нас Кровь... и жертва? Если Отцу, то каким образом? Не у Него мы были в плену. И по какой причине Кровь Единородного приятна Отцу, Который не принял и Исаака, приносимого отцом? Из сего видно, что приемлет Отец не потому, что требовал или имел нужду, но по домостроительству, потому что человеку надлежало освятиться человечеством Бога, чтобы Он Сам избавил нас, преодолев мучителя силой, и возвел нас к Себе через Сына» (Творения, IV, с. 175-176). Святой Григорий Нисский – брат св. Василия Великого – считал, что вообще «нечестиво почитать естество Божие подверженным страсти удовольствия, или гнева, или милости» (Творения, VII, 5, с. 428).

Очевидно, этими суждениями святых отцов подрывается почва под схоластическим учением об «удовлетворении» и «умилостивлении» даже Голгофском, а об евхаристическом и тем более, ибо значение Евхаристии, как неоднократно упоминалось, теснейшим образом сопряжено с голгофским событием и без него немыслимо.

Евхаристия занимает центральное место в бого-

служении и в духовной жизни Православной Церкви в целом и православного христианина в частности, что, надеемся, в какой-то степени нашло свое отражение в настоящем сообщении. Однако многое из сказанного здесь отражает, к сожалению, не столько реальную картину церковной жизни народа Божия, сколько идеальное состояние, к достижению которого Церковь и все ее члены должны стремиться, но от которого они еще далеки.

К счастью, главным действующим Лицом в Евхаристии является Сам Господь Иисус Христос: «Ты бо еси приносяй и приносимый, и приемляй и раздаваемый, Христе Боже наш», – исповедует Святая Церковь в литургической молитве Херувимской песни. Поэтому Божественная сущность и святость таинства не зависят от нравственных свойств и духовной настроенности Его участников. В противном случае слишком часто имеющие место греховное недостоинство и особенно «людские неведения», о которых молится совершающий литургию священник, помрачали бы свет, исходящий от предлежащей нашему зрению, осязанию и вкусу Святыни. Слишком многие из нас подходят к ней без должного покаяния, без должной духовной настроенности, а подчас даже без должной сосредоточенности.

Но «Свет во тьме светит, и тьма не объяла его» (Ин. 1, 5). И потому мы имеем все основания для бесконечной благодарности Христу Богу, что Он не только совершил на Кресте наше спасение, но и, как говорит св. Василий в анафоре своей литургии, оставил нам воспоминания спасительного Своего страдания, воспоминания не только духовные, почерпаемые из Его святого слова, но и вещественные – Свои Тело и Кровь, являющиеся для нас постоянным, неиссякаемым, вечно живым источником обновления, освящения и спасения.

Таинство Покаяния

Протоиерей Сергий Четвериков

ИСПОВЕДЬ – ТАИНСТВО ПОКАЯНИЯ

Некоторые возражают против исповеди:

«Бог знает, что мы грешны и в чем грешны, – к чему же исчисление грехов, за которое мы большей частью принимаемся с неохотою? Зачем между Богом и человеком стоит священник, присутствие которого только стесняет нас и мешает нашей откровенной исповеди?».

Представьте себе, что вы оскорбили кого-нибудь, сознаете свою вину и ищите примирения. Оскорбленный вами знает иногда, что вы раскаиваетесь в своей обиде, но все-таки не мирится с вами дотоле, доколе вы сами не придете к нему и не попросите у него прощения.

И Бог, конечно, знает все ваши грехи, но ждет, когда мы раскаемся в них, исповедуем их пред Ним и когда попросим прощения. В таком случае только Бог объявляет нам прощение грехов через священника, у которого есть власть от Бога отпускать нам грехи.

Как следует приходить на Исповедь?

Исповедь совершается в храме утром, перед началом Божественной литургии (в некоторых церквах исповедь совершается еще и вечером). На исповедь приходят те, кто соответствующим образом подготовился и желает причаститься Святых Христовых Таин; впрочем, можно исповедоваться не причащаясь, совершающий исповедь священник вначале читает общие молитвы, а затем исповедует отдельно каждого

из пришедших. Нужно помнить, что в Таинстве Покаяния – таково полное церковное название исповеди – мы каемся в своих грехах Самому невидимо присутствующему при совершении этого Таинства Богу; священник же является свидетелем нашего покаяния, который помогает нам должным образом вспомнить наши грехи и властью, данной ему Богом, разрешает нас от их тяжести.

Дождавшись своей очереди, исповедующийся подходит к священнику, стоящему у АНАЛОЯ – высокого наклонного столика, на котором находятся крест и Евангелие. Если вы пришли исповедоваться впервые, лучше сразу скажите батюшке об этом – он подскажет вам, на какие молитвы следует обратить внимание при исповеди и в чем нужно раскаяться.

По окончании исповеди кающийся наклоняет голову, священник накрывает ее ЕПИТРАХИЛЬЮ (часть облачения священнослужителя) и читает разрешительную молитву. После этого нужно благоговейно перекреститься, поцеловать лежащие на аналое крест и Евангелие и взять благословение у священника (сложив руки перед собой ладонями вверх, поклониться ему и, после того как священник перекрестит вас, поцеловать ему руку).

Все православные христиане старше 7 лет должны приступать к Таинству Покаяния пред каждым причащением. Дети до 7 лет причащаются без исповеди. Готовясь к исповеди, мы должны вспомнить все, чем грешим против Бога и против ближнего. Приготовление это продолжается несколько дней – «говение» – и касается как телесной, так и духовной жизни. В дни говения надлежит посещать богослужения в храме, более прилежно выполнять домашнее молитвенное правило. Читается канон «Покаянный», Богородице, Ангелу-Хранителю, а перед

Причастием – «Последование ко Святому Причащению». На исповеди Христианин, искренне и сердечно раскаиваясь в своих грехах, излагает устно их пред священником, который также устно разрешает ему его грехи. При видимом изъявлении прощения священником, кающийся невидимо разрешается Самим Христом (об этом нам напоминает Евангелие и крест, лежащие на аналое), снова становится невинным и освященным, как после крещения. Прощение, в действительности, есть примирение человека с Богом, восстановление естественной связи, соединяя тварь со своим Творцом, которая нарушается при совершении греха.

Из беседы перед исповедью

Важно различать исповедь от духовной беседы, которая может совершаться и вне Таинства, и лучше, если совершается отдельно от него.

Разберёмся, как надо относиться к Таинству покаяния, что требуется от приходящего к Таинству, как к нему готовиться.

Несомненно, первым нашим действием будет испытание нашего сердца. Для этого и положены дни подготовки к Таинству (говение). «Видеть грехи свои в их множестве и во всей их гнусности – действительно есть дар Божий» – говорит святой Иоанн Кронштадтский. Обычно люди, неопытные в духовной жизни, не видят ни «множественности» своих грехов, ни их «гнусности»: «Ничего особенного», «как у всех», «только мелкие грехи», «не украл, не убил», – таково обычно начало исповеди у многих. А самолюбие, не перенесение укоров, чёрствость, человекоугодие, слабость веры и любви, малодушие, духовная леность – разве это не важные грехи?

Разве мы можем утверждать, что достаточно лю-

бим Бога, что вера наша действенна и горяча, что каждого человека мы любим как брата во Христе, что мы достигли кротости, безгневия, смирения? Если же нет, то в чём заключается наше Христианство, чем объяснить нашу самоуверенность на исповеди, как не «окаменённым нечувствием», как не «мёртвостью сердечной, душевной смертью, телесную предваряющей?» Почему святые Отцы, оставившие нам покаянные молитвы, считали себя первыми из грешников? Чем ярче свет Христов озаряет сердце, тем яснее сознаются все его недостатки, язвы и раны. И наоборот: люди, погружённые во мрак греховный, ничего не видят в своём сердце, а если и видят, то не ужасаются, так как им не с чем сравнивать.

ИСПОВЕДЬ (МУДРОСТЬ СВЯТЫХ ОТЦОВ)

Кто привыкнет давать отчёт о своей жизни на исповеди здесь, тому не страшно будет давать отчёт на страшном суде Христовом. Это первое побуждение к истинному покаянию: чем дольше не каемся, тем хуже для нас самих, тем запутаннее узы греховные становятся, тем труднее, значит, давать отчёт. Второе побуждение оставляет спокойствие; тем спокойнее будет на душе, чем искреннее исповедь.

Иоанн Крондштадтский

Бояться срама на исповеди – тоже от гордости; обличив себя перед богом при свидетеле (священнике), получают успокоение и прощение.

Преподобный Макарий Оптинский

Смысл исповеди.

Чтобы ясно представить себе значение исповеди,

обратимся к рассмотрению нашей внутренней, душевной жизни. Внутри нас постоянно борются как бы два существа – доброе и злое.

И вот – истинная христианская жизнь начинается в нас лишь тогда, когда мы сознательно становимся на сторону доброго существа и стараемся победить злое.

Пока мы относимся к своей внутренней жизни беспечно, даже не различая хорошенько в ней добра и зла, и пассивно отдаёмся своим желаниям и влечениям, каковы бы они ни были, не производя никакой оценки, до тех пор мы ещё не живём христианской жизнью. И только тогда, когда мы осудим самих себя и захотим обновления, только тогда мы вступаем на путь христианской жизни.

Проследите ряд ваших поступков, намерений, слов. Вот вчера вы тяжко обидели грубым резким словом, оскорбительным подозрением или ядовитой насмешкой вашего ближнего; третьего дня вас все время преследовало и мутило вашу душу какое-нибудь грязное, низкое желание, и вы не только не отгоняли его от себя, но как будто старались даже насладиться им; вот вам представился случай пожертвовать вашим покоем или удобством, чтобы оказать кому-либо услугу, но вы этого не сделали: если вы будете внимательны и добросовестны, то вы увидите, что ваша жизнь представляет целую сеть, целое громадное сплетение таких то мелких, то крупных гадостей, которые образуют значительную долю вашего существования. Если мы не обращаем на всё это внимания, это значит, что мы ещё не начинали христианской жизни.

Наша христианская жизнь начнётся только тогда, когда мы скажем: нет, не хочу я, чтобы в моей душе жила такая гадость! Хочу быть чистым, добрым! Хочу быть истинным христианином!

Но как только вы попробуете встать на этот путь, вы сразу же убедитесь в следующем: вы увидите, что борьба со злом в себе самом в высшей степени тяжела, мучительна и изнурительна. Вы увидите, как эти ваши чувства, как ваши гадкие мысли и желания помимо вашего согласия, овладевают вами, толкают вас на те или иные, другие некрасивые поступки...

Как же, спрашивается, избавиться человеку от всей этой грязи? Как выбросить её из себя? Бывает иногда, что, поделившись с кем-нибудь своими душевными печалями, человек чувствует себя облегчённым. Но этим способом мы только разделяем свою печаль с другими, а не освобождаемся от неё совершенно. Необходимо другое, более верное средство спасения. Это благодать Святого Духа в Таинстве Исповеди.

Исповедь - есть Таинство святого покаяния. Она установлена для того, чтобы через неё мы очищались от всей своей греховной скверны.

Доныне пастыри христианской Церкви, по данной им от Господа власти, отпускают грехи кающимся, а благодать Святого Духа очищает сердца их.

Таким образом, исповедь - есть чрезвычайно важное и крайне нам необходимое средство нравственного оздоровления и исправления, отвечающее самым необходимым требованиям нашей собственной нравственной природы. Уклоняться от исповеди - это всё равно, что, страдая какой-нибудь телесной болезнью, и зная верное от неё лекарство, по небрежности или лени не пользоваться этим лекарством и таким образом запускать болезнь...

Протоиерей Сергий Четвериков

Как нужно исповедоваться?

Не желающие исповедоваться говорят иногда: «Зачем это нужно - рассказывать свои грехи священни-

ку? Разве Бог и без того не знает наших грехов? И разве Он не может простить нам их без исповеди?»

Исповедовать свои грехи, то есть пересказывать их перед священником, необходимо не потому, что иначе они останутся неизвестными Богу, а потому, что это полезно и необходимо для самого кающегося. Наше чистосердечное исповедание грехов перед священником показывает прежде всего нашу искреннюю готовность осудить себя за эти грехи. Кто имеет решимость высказать свой грех пред духовником, чтобы исцелиться от греха, тому, очевидно, этот грех стал уже неприятным, стал ему чужим. Исповеданный грех как бы становится вне нашей души, выходит из неё, подобно тому, как вынутая из тела заноза становится вне тела и перестаёт ему вредить. Никогда человек не осудит сам в себе своего греха с такой искренностью и ясностью, как он осуждает его, высказывая его духовнику. Это несомненный факт нашей душевной жизни. Объясняется он тем, что открытое исповедание греха перед духовником смиряет нашу гордость, часто не желающую иметь свидетелей и недостатков и грехов наших, особенно постыдных. Эта наша гордость и внушает нам мысль о том, что достаточно одного внутреннего сознания греха перед богом, ибо ей легче сознаться в своей ошибке пред Богом, Невидимым, чем в присутствии видимого и нам подобного человека. Исповедь пред священником необходима ещё и потому, что ему дана власть прощать или не прощать грех. Как же священник простит или не простит грешника, если ему не известны грехи последнего? Сам кающийся может ли иметь твёрдую уверенность в том, что его грехи прощены и что он очистился от них, если не будет видимого знака этого прощения и очищения в разрешительной молитве священника? Разрешение духовника со-

вершенно успокаивает грешника, и он уходит от него с радостью и миром в душе!

За исповедью обыкновенно следует причащение Святых Христовых Таин, но допустить к этому причащению священник может только верующего и кающегося, а потому и необходимо исповедание грехов пред священником. Наконец, исповедь пред священником нужна ещё и потому, что священник, ознакомившись с состоянием совести грешника, может дать ему полезный совет, указать ему правильный порядок жизни, и, таким образом, предостеречь его от повторения в будущем сделанных раньше грехов.

Как готовиться к исповеди?

Мы обыкновенно живём в такой суете, что нам бывает очень трудно сосредоточиться на своём внутреннем душевном состоянии и сильно почувствовать свою духовность.

Чтобы помочь нам в этом, Церковь установила перед исповедью говение, которое состоит в том, что мы на несколько дней оставляем свой обычный образ жизни, постимся, посещаем богослужение, читаем духовные книги и проводим время в одиночестве или, ещё лучше, с человеком, одинаково с нами настроенным.

Благодаря посещению храма, чтению и отрешённости от обычной нашей светскости, мы входим в новый мир, с преобладанием в нём духовных интересов. Мы больше думаем о Боге и ближе чувствуем Его в себе, в нашем сознании яснее выступает наша внутренняя жизнь и её нехорошие, греховные стороны...

Бывает иногда, что совесть наша сразу указывает нам все наши духовные язвы. Это бывает тогда, когда наша совесть достаточно чутка, или если мы совершили какой-нибудь особенно тяжкий грех.

Но иногда наша совесть молчит. Люди не вни-

мательные, не придающие исповеди серьёзного значения, так и приходят на исповедь, не зная, в чём каяться. И когда духовник обратится к ним с вопросом, в чём они чувствуют себя грешными, они обыкновенно отвечают: «Особенно ничем. Грешен, как и все люди, делом, словом, помышлением». Ответ этот совершенно недостаточен. Он показывает, что такие исповедники или не имели времени, или поленились поглубже вникнуть в себя, а потому и не заметили в себе ничего особенного. Они не сделали испытания совей совести, которое каждый легко может сделать, проверив себя по Заповедям Божьим. Исповедовать нужно не только особенные грехи, но всякую вообще нечистоту души, и искренно сознающий эту нечистоту иногда сильнее скорбит о маленьком проступке, нежели другой легкомысленный человек - о тяжком преступлении. Тяжесть греха в значительной степени определяется чуткостью нашей совести.

Исповедь должна быть вполне чистосердечной. Радоваться тому, что духовник не спросил грехов, могут только люди, не имеющие никакого понятия о цели исповеди. Ведь если грех утаён, не высказан на исповеди, то это значит, что он в нас остался... Кроме самоосуждения и чистосердечия мы должны принести на исповедь ещё и искреннее желание не повторять более совершённых нами грехов. Сделанные грехи должны казаться нам отвратительными, мы стряхиваем их с себя и отныне хотим начать новую, чистую жизнь!

Таинство Елеосвящения

Епископ Илларион Алфеев

ЕЛЕОСВЯЩЕНИЕ

Человек был создан с легким, чистым, нетленным и бессмертным телом. После грехопадения оно утратило эти свойства, стало материальным, тленным и смертным. Человек «облекся в кожаные ризы – тяжелую плоть, и стал трупоносцем», как говорит святитель Григорий Богослов[1]. В жизнь человека вошли болезни. По учению Церкви, причины всех болезней коренятся в общей греховности человека: грех вошел в его естество, как некий диавольский яд, осквернивший и отравивший его. И если смерть является следствием греха («сделанный грех рождает смерть»; Иак. 1:15), то болезнь находится между грехом, за которым она следует, и смертью, которой предшествует. Хотя все болезни происходят от разных причин, общий корень у них один – тленность человеческого естества после грехопадения. Как говорит преподобный Симеон Новый Богослов, «врачи, которые лечат тела людей... никак не могут вылечить основную природную болезнь тела, то есть тление; они стараются разными способами вернуть телу... здоровье, а оно снова впадает в другую болезнь»[2]. Поэтому человеческому естеству необходим, по мысли преподобного Симеона, истинный врач, способный исцелить его от тления: таким врачом является Христос.

В течение Своей земной жизни Христос совершил множество исцелений. Часто Он спрашивал

[1]Григорий Богослов. Творения в 2-х томах. Т. 2. С. 34.
[2]Symeon tou Neou Theologou eurethenta asketika. Sel. 53–54.

обращавшихся к Нему за помощью: «Веруете ли, что Я могу это сделать?» (Мф. 9:28). Исцеляя тело от болезни, Он исцелял и душу от самого страшного недуга – неверия. Христос указывал на виновника всех душевных и телесных болезней – диавола: о скорченной женщине Он говорит, что ее «связал сатана» (Лк. 13:16). Исцеления совершали также апостолы и многие святые.

Для помощи больным уже в апостольское время существовало таинство, получившее впоследствии название Елеосвящения. О нем говорит апостол Иаков в своем Послании: «Болен ли кто из вас, пусть призовет пресвитеров Церкви, и пусть помолятся над ним, помазав его елеем во имя Господне. И молитва веры исцелит болящего, и восставит его Господь, и если он соделал грехи, простятся ему» (Иак. 5:14–15). Явно, что речь идет не об обычном помазании елеем (маслом), которое практиковалось у евреев, видевших в елее целебное средство, а об особом церковном таинстве, так как целительное свойство здесь приписывается не елею, а «молитве веры», совершаемой пресвитерами.

В основном таинство Елеосвящения в Восточной Церкви сохранило те главные черты, которые указаны апостолом Иаковом: его совершают семь пресвитеров (на практике часто меньше – два или три), читаются семь апостольских и евангельских зачал, совершается семь раз помазание больного елеем и прочитывается разрешительная молитва. Церковь верует, что в таинстве Елеосвящения больному, согласно словам апостола Иакова, прощаются грехи. Это, однако, отнюдь не означает, что Елеосвящение может заменить исповедь, обычно это таинство совершается после исповеди и причащения.

Безосновательно также мнение, будто при совершении Елеосвящения прощаются забытые грехи, то есть не названные на исповеди. Исповедь, как мы го-

ворили выше, означает всецелое и полное прощение и оправдание человека, если она принесена искренне, с сокрушением и желанием исправиться. Взгляд на Елеосвящение как на своего рода восполнение исповеди противоречит смыслу и идее обоих таинств. В результате такого искаженного понимания к Елеосвящению иногда прибегают совершенно здоровые люди, надеясь получить прощение забытых (а то и утаенных на исповеди) грехов. Молитвы о лежащем «на одре болезни» в этом случае теряют всякий смысл.

Еще более искажает смысл таинства исцеления, каковым можно назвать Елеосвящение, такой взгляд, при котором оно воспринимается как предсмертное напутствие или «последнее помазание». Подобный взгляд был распространен в Римско-Католической Церкви до II Ватиканского Собора и оттуда проник в некоторые Восточные Церкви. Причиной возникновения этого взгляда, как думает протопресвитер Александр Шмеман, является то обстоятельство, что Елеосвящение не гарантирует исцеления. «Но мы знаем, - пишет он, - что всякое таинство есть всегда переход и преложение... Христа просили об исцелении, а Он прощал грехи. У Него искали «помощи» нашей земной жизни, а Он преображал ее, прелагал в общение с Богом. Да, Он исцелял болезни и воскрешал мертвых, но исцеленные и воскрешенные им оставались подверженными неумолимому закону умирания и смерти... Подлинное исцеление человека состоит не в восстановлении - на время! - его физического здоровья, а в изменении, поистине преложении его восприятия болезни, страданий и самой смерти... Цель таинства в изменении самого понимания, самого приятия страданий и болезни, в приятии их как дара страданий Христовых, претворенных Им в победу»[3].

[3]Протопресвитер А. Шмеман. За жизнь мира. Нью Йорк, 1983. С. 93.

В этом смысле можно сказать, что Елеосвящение приобщает больного к страданиям Христа, делает саму болезнь спасительным и целительным средством от духовной смерти. Многие святые с благодарностью принимали посланные им болезни как возможность избавления от мучений в будущем веке. Как учит Церковь, Бог всегда стремится обратить зло в добро: болезнь, сама по себе являющаяся злом, может принести добро человеку, который благодаря ей приобщается страданиям Христовым и воскресает для новой жизни. Известны случаи, когда болезнь заставляла человека изменить свою греховную жизнь и встать на путь покаяния, ведущий к Богу.

Таинство Брака (Венчание)

Брак есть таинство, в котором при свободном, перед священником и Церковью, обещании женихом и невестой взаимной супружеской верности, благословляется их супружеский союз, во образ духовного союза Христа с церковью, и испрашивается им благодать чистого единодушия к благословенному рождению и христианскому воспитанию детей (из православного катехизиса).

ВЕНЧАНИЕ НЕ СОВЕРШАЕТСЯ:

– в течение всех четырёх многодневных постов;
– во время Сырной седмицы (масленицы);
– на Светлой (Пасхальной) Седмице;
– от Рождества Христова (7 января) до крещения (19 января); – накануне двунадесятых праздников;
– по вторникам, четвергам и субботам в течение всего года;
– 10, 11, 26 и 27 сентября (в связи со строгим постом ради Усекновения главы Иоанна Крестителя и Воздвижения Креста Господня);
– накануне престольных храмовых дней (в каждом храме – свои).

При чрезвычайных обстоятельствах исключение из этих правил может быть сделано по благословению правящего архиерея.

СУЕВЕРИЯ, СВЯЗАННЫЕ С ВЕНЧАНИЕМ

Пережитки язычества дают о себе знать всевозможными суевериями, которые хранятся в народе. Так, существует поверье, что случайно упавшее кольцо или погасшая венчальная свеча предвещают всевоз-

можные несчастья, трудную жизнь в браке или раннюю смерть одного из супругов. Распространены и суеверия, что тот из брачующихся, кто первым вступит на растеленное полотенце, будет всю жизнь главенствовать в семье, а чья свеча после таинства окажется короче, тот и раньше умрёт. Некоторые думают, что нельзя венчаться в мае, «будешь потом всю жизнь маяться». Все эти вымыслы не должны волновать сердца, ибо их творец - сатана, названный в Евангелии «отцом лжи». А к случайностям (например, падение кольца) нужно относиться спокойно - всякое бывает.

ТАИНСТВО ВЕНЧАНИЯ

Сердечное взаимное сближение жениха и невесты должно быть освящено благословением родителей. Грешно поступают дети, когда вступают в супружество без благословения родительского: молитвы родителей, по свидетельству слова Божия, скрепляют благополучие семейной жизни.

Добрые дети, отправляясь в неведомый для них путь, приходят к своей матери и просят ее напутственного благословения, и нежная мать благословляет их. Так же поступает Церковь Христова, когда покорные ее чада - нареченные жених и невеста - являются во храм Божий, прося ее материнского благословения на безвестный для них путь супружеской жизни. Чуждые дотоле друг другу, соединяясь в одну чету, жених и невеста вступают в новую для них семейную жизнь и потому не знают, что ожидает их: радость ли, спокойствие или душевные тревоги, скорби. В таком случае им необходимо верное напутствие на предстоящий жизненный путь. И это благожелание Церковь сопровождает торжественными и глубоко знаменательными обрядами.

По церковному уставу бракосочетание должно быть совершаемо непосредственно после литургии, дабы жених и невеста благоговейным молением за литургией (а по примеру древних благочестивых христиан, очищением себя чрез таинства покаяния и причащения святейших Тела и Крови Христовых) достойно приготовились к принятию благодати таинства брака. Жених в храме становится по правую, а невеста по левую сторону, – так соблюдается Богом узаконенный чин и благоприличие: муж – глава жены, и в порядке стояния первенствует пред своею женою. Два перстня для обручающихся полагаются вблизи друг друга на св. престол в знаменование того, что брачующиеся поручают свою судьбу воле Промысла Божия и от Господа испрашивают благословение на свое обручение. Жених и невеста держат в руках горящие свечи, чем свидетельствуют, что и побуждения к браку у них светлые, чистые, свободные от предосудительных расчетов. Крестовидное каждение жениха и невесты, по введении их внутрь храма, знаменует благодать Всесвятого Духа, действием и наитием которой отгоняется от брачующихся вся сила вражия.

Самые нежные родители не могут пожелать любимейшим детям своим столько благ, сколько испрашивает им у Бога святая церковь при совершении таинства брака. Она воссылает моления ко Господу, где просит Его ниспослать им «любви совершенней, мирней и помощи; о еже сохранитеся им в единомыслии и твердой вере; о еже благословитеся им в непорочном жительстве...» Затем священник берет с престола перстни /кольца/ и возлагает на безымянные пальцы правой руки. Перстень, по древнему обыкновению, служит печатью и утверждением; троекратным обменом перстней утверждается полное

взаимное доверие лиц брачующихся. Жених, в свидетельство своей любви и готовности преимуществом сил своих помогать немощи женской, отдает свой перстень невесте, а та, в знак своей преданности мужу и готовности принимать помощь от него, свой перстень отдает жениху. Теперь обрученные приближаются к аналою, на котором лежат св. Евангелие и Крест Христов. Этим Церковь говорит, чтобы во всех путях своей жизни, при всех предприятиях и начинаниях, супруги имели пред взором закон Христов, начертанный в Евангелии. Обрученные жених и невеста становятся на одно «подножие» (на разостланный кусок материи) в знак того, что они должны будут разделять одинаковую участь во всем - как счастливую, так и неблагополучную, - всенародно пред Крестом и Евангелием объявляют свое благое произволение на вступление в брак, после чего начинается совершение самого венчания.

По изъявлении женихом и невестою пред лицем Самого Господа и пред всею Церковью взаимного согласия на вступление в брак, служитель алтаря Господня приступает к совершению венчания. Устами священника в трогательных молитвах Церковь вспоминает Самим Богом благословенные браки св. праотцев наших и призывает на брачующихся благословение Господне, которого сподобились они; молит Всевышнего сохранить брачующихся, как сохранены были Ной в ковчеге, Иона во чреве кита и три отрока в пещи Вавилонской, просит даровать новым супругам единомыслие душ и телес. Вместе с тем пастырь Церкви умоляет Господа помянуть не только самих брачующихся, а и родителей их, «зане молитвы родителей утверждают основания домов...» Но вот настала важнейшая, торжественнейшая, святейшая во всем чинопоследовании венчания минута. На благо-

словенную чету возлагаются венцы - знамения царской власти, и этим преподается брачующимся благословение соделаться родоначальниками будущего потомства. Поскольку в древности венцами украшались главы победителей, возложение венцов на жениха и невесту служит для них как бы наградой за их целомудренную жизнь до брака. «Венцы, - объясняет св. Златоуст, - полагаются на главах брачующихся в знамение победы, для того, чтобы показать, что они, непобедимые страстью до брака, таковыми приступают и к брачному ложу. А если кто был уловлен сладострастием, отдал себя блудницам, то для чего ему, побежденному, иметь венец на главе своей?» При возложении венцов на жениха и невесту служитель алтаря Господня произносит тайнодейственные слова («Венчается раб Божий... венчается раба Божия...) и, трижды (в честь св. Троицы) благословляя обоих, трижды же возглашает: «Господи Боже Наш, славою и честию венчай я (их)!» Господи! как бы говорит этими молитвенными словами священник, как эта чета украшена теперь венцами, так украшай брачный союз этот славою и честью.

Так Церковь низводит на брачующихся благодать Всесвятого Духа, освящающую их супружество, рождение и воспитание детей. С этой минуты жених есть уже муж своей невесты, невеста - жена своего жениха; с этой минуты они связаны нерасторжимыми узами брака, по непреложному слову Христа Спасителя: «что Бог сочетал, того человек да не разлучает».

Обряд погребения

ОБРЯД ПРАВОСЛАВНОГО ПОГРЕБЕНИЯ

Под именем погребения в Православной Церкви подразумеваются молитвословия, совершаемые с самого момента разлучения души с телом, обрядовые приготовления тела, отпевание в храме, предание земле и последующие действия и поминовения.

Все действия, которыми сопровождается обряд – «...это молитвы за усопшего – буквально вместо него; когда живые отдают умершему временно свои уста, чувства, энергию своей жизни» (Ж. М. П. № 6, 1991, с. 79).

Последований погребения у нас имеется несколько: мирян, младенцев, монахов, священников и особый чин на Святую Пасху.

По чину священническому погребаются только архиереи и иереи; монахи, иеромонахи и архимандриты – по чину монашескому; диаконы и миряне – по чину мирских человек, младенцы (до 7 лет) – по чину младенческому.

Суть православного погребения заключается в воззрении церкви на тело, как на освященный благодатью храм души, – на жизнь настоящую, как на время приготовления к жизни будущей, и на смерть, как на сон, по пробуждению от которого настанет жизнь вечная.

В будущей жизни участвовать будет и тело, которому, по слову Св. Ап. Павла «...надлежит облечься в нетление и смертному сему – облечься в бессмертие» (1. Кор. 15.53).

Историческое обоснование погребения усопших дано в образе погребения Иисуса Христа.

Лишаются православного погребения лица, сознательно лишившие себя жизни.

Для того, чтобы совершить отпевание человека, совершившего самоубийство в невменяемом состоянии, родственникам его следует предварительно испросить письменное разрешение правящего архиерея, подав ему прошение и приложив к нему медицинское заключение о причине смерти. (Настольная книга священнослужителей, т. 4, 1983, с. 491). После письменного благословления архиерея, совершается обычное погребение, без прибавления каких бы то ни было других слов: просто упоминается «усопший раб Божий».

Усопших иной веры христианского вероисповедания, в случаях крайней нужды, может погребать и православный священник, но обряд погребения иной, сокращенный, изложен он в третьей части требника, изданного в 1983 г.

«Тело умершего иноверца христианского исповедания не может быть вносимо перед погребением в православную церковь» (Кн. наст. Булгакова, 1980 г., с. 907).

Вопрос о кремации усопших весьма сложный, и ответ на него не однозначный: с одной стороны, в наших священных книгах нет запрещения сжигания трупов, но имеются положительные и повелительные указания на единственно допустимый способ погребения тел – это предание их земле: «Земля еси и в землю отидеши».

Погребение в земле есть изображение временного успения, сна; в народе называется «похоронами». Сохраняются ценности в своей целостности, а видоизменившись, это уже не ценность. Для тела земля является естественным ложем упокоения и называется

усопший покойником, упокоившимся до всеобщего восстания.

«Если предание земле тел вселяет и укрепляет христианскую веру в воскресение, то сожжение умерших легко роднится с антихристианским учением о небытии». (Церковный Вестник, 1910, с. 29).

Заочное отпевание вошло в наш быт, это исторически сложившаяся данность. Отпевают заочно повсеместно, но это не норма, а скорее отступление от нее.

Скоропостижно скончавшиеся, без покаяния, не лишаются христианского погребения.

Святая церковь чад своих напутствует в загробную жизнь таинствами покаяния, причащения, елеосвящения (соборование).

В важные минуты разлучения души с телом – на исход души читаются молитвословия – «Отходная».

Есть два чинопоследования отходных: при кончине мирной и в случае мучительных страданий умирающего – «внегда человек долго страждет». В этом случае приглашается священник, и он читает каноны и молитвы о долгостраждущем.

Чинопоследование первое изложено в требнике и молитвеннике, и эту «отходную» в случае отсутствия священника может вычитать и мирянин (Настольная книга священнослужителей, т. 4, с. 459).

ОТХОДНАЯ

«Молитвами Святых отец наших, Господи Иисусе Христе, помилуй нас».

«Святый Боже, Святый крепкий, Святый бессмертный помилуй нас». (Читается трижды).

«Слава Отцу и Сыну и Святому Духу и ныне и присно и во веки веков. Аминь».

«Пресвятая Троице, помилуй нас, Господи, очисти грехи наша;

Владыко, прости беззакония наша; Святый, посети и исцели немощи наша, имене Твоего ради».

«Господи помилуй, Господи помилуй, Господи помилуй».

«Слава Отцу и Сыну и Святому Духу и ныне и присно и во веки веков. Аминь».

«Отче наш, иже еси на небесах. Да святится имя Твое, да приидет Царствие Твое, да будет воля Твоя, яко на небеси и на земли. Хлеб наш насущный дождь нам днесь; и остави нам долги наша, якоже и мы оставляем должникам нашим; и не введи нас во искушение, но избави нас от лукавого».

«Господи, помилуй» (12 раз) «Придите, поклонимся Цареви нашему Богу».

«Придите, поклонимся и припадем Христу Царева нашему Богу».

«Придите, поклонимся и припадем Самому Христу, Царевы и Богу нашему».

50 ПСАЛОМ

«Помилуй меня, Боже, по великой милости твоей, и по множеству щедрот Твоих изгладь беззакония мои. Многократно омой меня от беззакония моего, и от греха моего очисти меня. Ибо беззакония мои

я знаю, и грех мой всегда предо мной. Тебе Единому согрешил я, и лукавая пред очами Твоими сделал, так что Ты праведен в приговоре Твоем и чист в суде Твоем.

Вот я в беззаконии зачат, и во грехе родила меня мать моя. Вот, Ты возлюбил истину в сердце, и внутрь меня явил мне мудрость. Окропи меня иссопом и буду чист; омой меня, и буду белее снега. Дай мне услышать радость и веселие, – и возрадуются кости Тобою сокрушенные. Отврати Лице Твое от грехов моих, и изгладь все беззакония мои.

Сердце чистое сотвори во мне, Боже, и дух правый обнови внутри меня. Не отвергни меня от лица Твоего и Духа Твоего Святого не отними от меня. Возврати мне радость спасения Твоего, и Духом владычественным утверди меня. Научу беззаконных путям Твоим и нечестивые к Тебе обратятся. Избави от кровей, Боже, Боже спасения моего, и язык мой восхвалит правду Твою.

Господи! отверзи уста моя возвестят хвалу Твою. Ибо жертвы не желаешь, я дал бы ее: к всесожжению не благоволишь. Жертва Богу дух сокрушенный; сердце сокрушенного Ты не презришь Боже».

Умолкают уста умирающего, и от его лица Церковь в дальнейших молитвословиях поручает его Пресвятой Богородице и заступничеству Святых Ангелов. Издревле присуща Православию вера в то, что в момент исхода души приближаются к ней как Ангелы с благопожеланиями, так и демоны со злыми наветами. Немощь отходящего подкрепляется молитвой.

КАНОН ГЛ. 6

Песнь 1.

Ирмос. «Яко по суху путешествовав Израиль, по бездне стопами, гонителя фараона видя потопляема. Богу победную песнь поим, вопиюще». Припев: «Пресвятая, Богородице, спаси нас».

(повторяется перед каждым тропарем).

Тропарь 1. «Подобно каплям дождевым, злые и малые дни мои, оскудевая понемногу с течением лет, уже исчезают, – Владычице, спаси меня».

Тропарь 2. «Всегда прогоняема Твоим благоутробием и щедротами многими, Владычице, в этот ужасный час предстань мне, Помощница необоримая».

Тропарь 3. «Душу мою ныне содержат страх, великий, болезненный и неисповедимый трепет, когда ей из тела выйти предстоит, Пречистая, утешь ее». «Слава Отцу и Сыну и Святому Духу». «Грешным и смиренным достоверное прибежище, удостоверь о мне милость Твою, Чистая – руки бесовской избавь, потому что, как псы многие меня обступили». «И ныне и присно и во веки веков. Аминь». «Вот время помощи, вот время Твоего заступничества, вот, Владычице, время, о котором я припадал к Тебе в теплых молитвах день и ночь».

Песнь 3.

Ирмос. «Несть свят, якоже Ты, Господи Боже мой, вознесыч рог верных Твоих, Блаже, и утверди нас на камени исповедания Твоего:

Тропарь 1. «Издалека провидя этот день, Владычице, и постоянно, как уже пришедшего помышляя, со слезами теплыми просил усердно не забыть меня».

Тропарь 2. «Скимы мысленные, рикающие окру-

жили меня, ищут взять меня и растерзать, – зубы их и челюсти сокруши. Чистая, и спаси меня».

Тропарь 3. «Уже угасающему органу словесному, языку связавшемуся и закрывшемуся голосу; в сокрушении сердца молю Тебя, Спасительница моя, спаси меня».

Слова... «Приклони ухо Твое ко мне, Христа Бога моего Мати, с высоты славы Твоей, Благая, услышь мой конечный стон и руку мне подай».

И ныне... «Не отврати от меня многих щедрот Твоих, не затвори утробу Твоего человеколюбия, Чистая, но предстань мне ныне и в судный час меня помяни».

Песнь 4.

Ирмос. «Христос моя сила, Бог и Господь, честная Церковь боголепно поет, взывающи, от смысла чиста о Господе празднуюши».

Тропарь 1. «Соглашениям омовения ток слезный положи, Благая, принимая сердца моего сокрушение: на Тебе утверждающе упование. Благая, да избавишь страшного огненного мучения, так как Ты сама источник благодати, Благородительнице».

Тропарь 2. «Непостыдное и непогрешительное прибежище для все нуждающихся, Владычице Пречистая, Ты в час испытания будь мне Заступницей».

Тропарь 3. «Пречистые Всечестные руки простри, как священные крылья голубиные, под кровом и сенью тех покрой меня, Владычице».

Слова... «Воздушного князя, насильника, мучителя, страшных состоятеля и испытающего за это ответа: – отходящего от земли, удостой меня все это пройти беспрепятственно».

И ныне... «Вот меня, Владычице, встретил страх, которого я и боялся, подвиг великий объял меня, будь в нем мне Помощница, надежда моего спасения».

Песнь 5.

Ирмос. «Божиим светом Твоим, Блаже, утренюющих Ти души любовию озари, молюся, Тя ведети. Слове Божии, Истинного Бога, от мрака греховного взывающа».

Тропарь 1. Не забудь меня, Благая, и лицо Твое не отврати от отрока Твоего, так как скорблю, обрати внимание на душу мою и избавь ее».

Тропарь 2. «Те, которые по плоти, мои сродники, и по духу братья и друзья, и обычно знакомые: сетуйте, плачьте, вздыхайте - расстаюсь сегодня с вами».

Тропарь 3. «Сегодня, воистину никто не поможет, не избавит; Ты мне помоги, Владычице, чтобы в руках врагов моих, как беспомощный человек, не задержался».

Слово... «Святые Ангелы мои, вошедшие предстаньте пред судом Христа, мысленно преклоньше колени свои и плачевно воззовите: Творче всех, помилуй дело рук Твоих, и его не отрыни, Блаже».

И ныне... «Поклонившись Владычице и Пречистой Матери Бога моего, помолитесь и ей преклонить колени с вами, чтобы и его на милость преклонить - как Милостивая и Питательница услышана будет».

Песнь 6.

Ирмос. «Житейское море, воздвизаемое зря, напастей бурею, к тихому пристанищу Твоему притек, вопию Ти: возведи от тли живот мой. Многомилостиво».

Тропарь 1. «Уста мои молчат и не молвит язык, но сердце разгорается огнем сокрушения и снедаемый ум призывает Тебя, Дево, голосом невысказанною речью».

Тропарь 2. «Милость Божия посмотри свыше и

обрати внимание на меня, снизойти посещением к Тебе увидев, из тела выйду радуясь».

Тропарь 3. «Растерзаются союзы естественные, телесные законы разрушаются - нестерпимую боль и угнетение все это мне делает».

Слова... «В священные и чистые руки Святых Ангелов положи меня, Владычице, да тех крыльями покрывшись, не увижу бесчестного, смрадного и мрачного бесов образа».

И ныне... «Чертоже Божий Всечестный, в небесном чертоге разумном меня удостой свечу угасшую мою возжечь Святым елеем милости Твоей».

Кондак:

«Душа моя, душа моя восстани, что спишь, конец приближается, тебе нужно молвить, воспрянь теперь; да пощадит тебя Христос Бог, Вездесущий и все исполняющий».

Икос:

«Увидев отверстное Христово врачевство, истощающее Адаму здоровье - уязвился страданием диавол; зарыдал в беде и возопил сообщникам своим: что сделаю Сыну Мариину? Убивает меня Вифлеемлячин, Вездесущий и все исполняющий».

Песнь 7.

Ирмос. «Росодательну убо пешь соде́ла Ангел, преподобным отроком, халдеи же опаляющее веление Божие, мучителя увеша вопити: благословен еси Боже отец наших».

Тропарь 1. «Меня неготового постигла ночь смертная; мрачная и безлунная; неподготовленного к пути страшному и длинному препускает; да споспешествует мне милость Твоя, Владычице».

Тропарь 2. «Вот дни мои действительно исчезли

в суете, и года мои ни с чем; сети смертные и горькие воистину опутали душу мою и удерживают ее».

Тропарь 3. «Грехов моих множество да не сможет победить многого милосердия Твоего, Владычице; милость Твоя да превзойдет над всем и вся беззакония мои покроет».

Слова... «Меня все провожающие отсюда удерживают; душа же моя смятения многого исполнена, устрашаясь отходит: утешь ее, Чистая, явлением твоим».

И ныне... «В моей скорби сопечалующего и утешающего не вижу. Владычице; друзья и знакомые мои уже оставляют меня, – Надежда моя. Ты никогда не оставишь меня».

Песнь 8.

Ирмос. «Из пламене преподобным росу источил еси, и праведного жертву водою потопил еси, вся бо твориши, Христе, токмо еже хотети, Тя превозносим во вся веки».

Тропарь 1. «Как Бога Человеколюбца, Человеколюбивая Мати, когда от тела душа моя отлучится, тихим и милостивым оком внемли, да во вся веки славлю Тебя, Святая Богородица».

Тропарь 2. «Уловления полков бесплотных варваров избежать мне, воздушной бездны уклониться; только к небу взойти меня сподоби, да вовеки славлю Тебя, Святая Богородица».

Тропарь 3. «Господа Вседержателя Родившая, горьких мытарств начальника, отгони подальше от меня миродержца, путь мой когда окончу, чмийы Тебя вовеки славить, Святая Богородица».

Слова... «Когда великая последняя труба возгласит о воскресении им страшимо и грозного суда, – все воскреснут: и меня помяни тогда, Святая Богородица».

И ныне... «Владыки Христа высокая палата, свыше пошли Твою благодать, теперь, и день озлобления, предвари меня да Тебя славлю во все века, Святая Богородица».

Песнь 9.

Ирмос. «Бога человеком невозможно видети, на Него же не смеют чини Ангельскии взирати. Тобою же, Всечистая, явися человеком Слово Воплощено. Его же величающе, с небесными вои, Тя ублажаем».

Тропарь 1. «О как увижу Невидимого? Как претерплю это ужасное видение? Как дерзну открыти очи? Как смею моего Владыку видеть, Которого от юности, постоянно, не переставая, огорчал».

Тропарь 2. «Святая Отроковица, Богородительница, милостиво взгляни на мое смирение, приими последнее и умиленное мое моление: огня мучающего вечно, потщися избавить меня».

Тропарь 3. «Храмы Святые осквернившия и телесный скверный храм оставивши, душа моя молит Тебе Отроковице Дево Мати, Божий всечестный Храме, кромешной тьмы избежать мне и лютого геенского жжения».

Слова... «При конце жизни моей, размышляя о пустых мыслях и действиях, уязвляется совесть моя лютыми стрелами, Всечестная, преклонися к душе моей это соделавшей, будь мне Предстательницей».

Иным... «Сын дался нам за милость, Сын Божий и Ангельский Царь, Превечный от чистых кровей Твоих пришел Человек. Отроковица, умилостиви Его: Исторгается от окаянного тела моего люто страждущая душа моя».

«Достойно есть яко воистину блажити Тя, Богородицу, Присноблаженную и Пренепорочную и Матерь Бога нашего. Честнейшую Херувим и славней-

шую без сравнения Серафим, без нетления Бога Слова рождшую, сущую Богородицу, Тя величаем».

«Слава Отцу и Сыну и Святому Духу и ныне и присно и во веки веков. Аминь».

«Господи, помилуй, Господи, помилуй, Господи, помилуй».

«Господи Иисусе Христе, Сыне Божий, моли те ради Пречистый Твоея Матери, предстательствы небесных Сил Бесплотных и всех святых Твоих, помилуй нас. Аминь».

Молитву в конце Отходной приличествует читать только священнику. (Если отходную читал мирянин – молитву опустить)

«Может быть, умирающий уже не слышит молитвословий, но подобно тому как при крещении младенца отсутствие у него сознания не умаляет благодатного воздействия таинства, так и затухание сознания не препятствует спасению отходящей души по вере и молитве близких» (Настольная книга священнослужителей, т. 4, 1983, с. 458).

Над телом усопшего, по примеру благочестивой древности, совершаются многозначительные действия. Тело омывается водой при мысли, что оно должно предстать Богу в чистоте и непорочности. (Тело умершего архиерея и иерея водой не омывается, а обтирается губкой, пропитанной растительным маслом, – делают это и облачают в священнические одежды только лица в священном сане).

На тело усопшего надевается крестик. Облекается тело в новые, чистые одежды. Поверх одежд постилается белый покров (или саван), напоминающий о белой одежде при крещении.

Тело омытое и облаченное полагается на приготовленный стол, по русскому обычаю, головой к ико-

нам. Затем полагается в приготовленный гроб, как в ковчег для сохранения. Глаза покойника закрыты, уста сомкнуты, руки сложены на груди крестообразно. В руку (правую) влагается иконка Спасителя, в знак веры во Христа, или Распятие. На лоб возлагается бумажный венчик, имеющий надписание: «Святый Боже, Святый крепкий, Святый бессмертный, помилуй нас» – эта надпись расположена между тремя изображениями: Спасителя в центре, Божией Матери и Иоанна Предтечи по бокам. Венчик возлагается в предзнаменование того венца, которого желал Св. Ап. Павел и который дается каждому по совершении подвига и соблюдении веры.

По 4-м сторонам гроба ставятся светильники, на которых возжигаются лампадки или свечи, горящие до выноса тела в Храм. (Не нужно поощрять бытующие суеверные обычаи полагать в гроб хлеб, шапку, деньги и другие предметы. Класть цветы приличествует).

В некоторых местах существует обычай кончину прихожанина извещать колокольным погребальным перезвоном. Очень поощрительно придерживаться обычая, установленного в древние времена, читать Псалтирь у гроба. (Над архиереями и иереями читается Евангелие.)

До погребения и после него об усопшем совершаются панихиды и литии. (Панихида, в переводе с греческого, значит всеобщая продолжительная молитва; лития – усиленное народное моление.) Первая панихида может быть совершена сразу после того, как облаченное тело положено на стол. Панихиды и литии совершаются неоднократно, отпевание же совершается только один раз. (Даже если бывает перезахоронение).

К имени усопшего присоединяется слово «новопреставленный» в течение 40 дней.

«К имени священноцерковнослужителей прибавляется наименование их сана; Епископ, иерей, диакон, иподиакон, чтец, ктитор, монах. К имени мирянина прибавляется – «раб Божий», «раба Божия», а ребенка до 7 лет называют «младенцем». Употребление других уточняющих наименований, как то: девица, отрок, жена, убиенный, сгоревший и т. д. не имеют канонических оснований и не встречаются в богослужебных книгах». (Настольная книга священнослужителей, т. 4, 1983, с. 462.)

Во время панихиды и литии молящиеся стоят с возжженными свечами; служащий священнослужитель – еще и с кадилом.

Совершая панихиду, Святая Церковь сосредоточивает внимание на том, что души усопших, восходя на суд к Лицу Божию, в страхе и трепете, нуждаются в поддержке ближних. В слезах и воздыханиях, уповая на милосердие Божие, мы просим облегчить участь преставившегося.

В продолжение двух дней душе, по верованию Церкви, позволительно, с находившимся при ней Ангелом, ходить по земле, «идеже хощет». Добродетельная душа посещает те места, где имела обыкновение творить правду; душа же отягощенная грехами трепещет, вспоминает все неправды и злодеяния, при жизни соделанные.

В день третий; Тот, Кто Сам воскрес из мертвых в третий день, душе повелевает вознестись на небеса для поклонения Богу всяческих и показать душе различия обителей Святых и красоту рая.

По обычаю Русской Церкви, в третий день возносятся особые молитвы об усопшем – совершается чин погребения (отпевание).

Чин этот изложен в Требнике, отпевание совершает священник. Чинопоследование отпевания име-

ет не столько печальный, сколько трогательный торжественный характер: здесь нет места гнетущей душу скорби и безнадежному сетованию. Родственники усопшего иногда и бывают одеты в траурные одежды, но одежды священнослужителя - светлые. Многие песнопения заканчиваются припевом «Аллилуйя», что значит «Слава Богу». Сам чин народом русским назван отпеванием, что подчеркивает его песнопевческий характер.

Для отпевания тело усопшего приносится в Храм. Совершается Заупокойная литургия, по завершении которой отпевание.

Не следует долго держать покойника в Храме: только в крайнем случае - одни сутки.

В первый день Святой Пасхи и в праздник Рождества Христова в Храм усопших не вносят и в эти дни не отпевают.

Гроб в Храм вносится ногами вперед и устанавливается на подставку-катафалк напротив Царских врат головой на запад. Покрывается гроб покрывалом (церковным, парчовым) во свидетельство веры Церкви, что умерший находится под ее покровом. Устанавливаются крестообразно подсвечники. Зажигаются свечи. Поминальную кутью, со свечой посередине, ставят возле гроба на отдельно приготовленный столик. Кутьей (или коливом) называют сваренные зерна пшеницы (рисовой крупы), смешанные с медом или другими сладостями. Зерна заключают в себе жизнь скрытую: чтобы дать плод, они сами должны оказаться в земле и истлеть. Мед и прочие сладости - знаменуют духовную сладость благ Вечной Жизни. Гроб до конца отпевания (если нет уважительных причин) остается открытым.

Для совершения погребения по установившейся традиции священник облачается в фелонь, хотя в Треб-

нике и указано надевать только епитрахиль. Теперь же всегда повсеместно облачаться как на молебен и другие чинопоследования, где читается Евангелие. Каждение полагается до конца отпевания. На ектиниях благозвучнее (не повторяя одно и то же) слово «усопшего» опустить и произносить только «новопреставленного раба Божия». На каноне же поется припев: «Упокой, Господи, Душу усопшего раба Твоего».

Не следует опускать Непорочны, сокращать тропари на «Благословен еси, Господи...» и на каноне.

Во время пения «Со святыми упокой...» родственники становятся на колени. После прочтения Евангелия, которое читается лицом к народу и усопшему, сразу оглашается разрешительная молитва. Молитва эта, отпечатанная отдельно, по прочтении влагается в правую руку усопшего.

Происходит прощание с покойником – «последнее целование». Священник целует иконку (крест), и осеняет (благословляет) рукой усопшего. Последнее целование родственники совершают, прикладываясь к иконке (кресту) и венчику. Если отпевание бывает при закрытом гробе, то целуется крест на крышке гроба или в руке священника.

Отпевание заканчивается литией и при пении «Святый Боже...» тело провожается на кладбище.

Если священник не сопровождает гроба до могилы, то в Храме совершается предание земле. Священник посыпает землю на закрытое покрывалом (саваном) тело усопшего с произнесением слов: «Господня земля и исполнение ея, вселенная и вси живущи на ней».

Если ранее было соборование, то оставшееся освященное масло также возливается на тело. После предания земле гроб закрывается крышкой, которая забивается гвоздями. По просьбе родственников, зем-

лю можно посыпать на бумагу; в кулечке ее перевезут на кладбище и там сами, перед закрытием гроба крышкой, посыпают крестообразно ею тело.

Если же священник провожает гроб до кладбища, то предание земле происходит на кладбище. При опускании тела в могилу еще раз совершается лития.

Гроб с телом в могиле полагается ногами на восток, головой на запад, – как стоял гроб в Храме и как всегда мы молимся; на восток – в ожидании наступления утра вечности или второго пришествия Христова.

Над могильным холмиком устанавливается Крест. Он ставится у ног усопшего так, чтобы Распятие было обращено к лицу покойника. Также ставятся и надгробные памятники с высеченными на них крестами. Крест над могилой православного христианина – молчаливый проповедник блаженного бессмертия и грядущего воскресения.

Относительно погребения младенцев следует отметить, что оно совершается как изложено в Требнике с теми же внешними обрядовыми действиями с той лишь разницей, что разрешительная молитва читается только из требника «Храняй младенцы...» и в руку младенцу не вкладывается.

«Музыка, не имеющая места в православном богослужении, не должна быть употребляема и при совершении религиозного обряда погребения» (Булгаков. Наст. кн. 1892, с. 1331).

Существует обычай устраивать в память усопшего после его погребения похоронный обед (поминки). Заслуживает одобрения этот обычай, если ему придан пристойный, церковнообрядовый характер. К глубокому сожалению, иногда участники этой трапезы, обременясь горячительными напитками, ведут себя вследствие этого крайне неподобающе. Благоразумными мерами нужно не

допускать и устранять все непристойное и оскорбительное для памяти усопшего.

Присутствие священнослужителей на поминальных обедах практикуется. В начале трапезы священник или диакон совершает литию, в конце возглашает «Вечную память». Предваряет все кушанья на трапезе кутья (коливо), которая была при погребении. В конце трапезы подается кисель, в некоторых местах с молоком (коровьим в дни не постные, в постные же – миндальным, маковым и проч.).

При молитвенном пожелании усопшим Царствия Небесного и вечной памяти, трапеза также носит религиозный характер: «Кисель с молоком (ввиду свойственного еще древним христианам воззрения на смерть как на рождение, почему и называется день смерти днем рождения) напоминают нам о своего рода младенчестве новопреставленной души, и располагают нас к молитве о благополучном духовном росте и развитии ее в загробной жизни» (Булгаков, с. 1360).

ПОМИНАНИЕ УСОПШИХ

Церковные поминовения совершаются только о тех христианах, которые удостаиваются погребения по обрядам Православной Церкви (Булгаков, с. 1361).

Есть практика совершать поминовение и по христианам иноверным по просьбе их православных родственников (жены, детей), если те заверят, что усопший не был злобным отрицателем Православия.

Молим Господа, чтобы Он «ими же весть судьбами явил и им свое милосердие и насколько угодно Ему будет даровал бы им ослабу и упокоение» (Булгаков, с. 1362).

«Не заслуживает молитвы тот, кто при жизни своей с пренебрежением относился к Православию» (Митрополит Филарет Дроздов).

Не поминаются (и не погребаются) по обряду Православной Церкви как мертворожденные, так и не крещеные. В сомнительных случаях нужно обращаться за соответствующим разрешением к епархиальным властям.

Младенцев крещеных, хотя и сказано о них, что они «небесной радостью в недрах Авраама радуются, находятся в Ангельских светообразных местах» - для утешения родственников умершего младенца, ищущих в церковных молитвах о нем утешения, - нужно поминать. Однако «сорокоусты заказывать по ним не следует, - ими ведь не содеяны грехи «вольные или невольные».

Все древние учители и Отцы Церкви единодушно утверждают, что поминовение усопших есть Апостольское постановление.

«Мы можем облегчить муку для почившего брата нашего, если будем совершать за него частные молитвы и раздавать милостыню» (Св. Иоанн Златоуст, Поучение на Деяние Апостолов, т. 9, 1903, с. 205).

«Молитесь, чтобы душа умершего получила место упокоения, молитесь, чтобы он обрел Судию милостивым» (Ефрем Сирин, слово о почивших во Христе).

«Умерших поминают поименно,» - говорит Св. Епифаний, епископ Кипрский (книга 3 против ересей).

Имена записывались в книги, называемые «диптихами», - поминанник из двух листов: в один из которых вписывались имена живых, в другой - усопших. Теперь подают отдельные записки. Были «полиптихи», т. е. многие листы, вместе сложенные, для вписывания многих имен одной фамилии, родни, - это наши поминальники. Если в полиптих вписывались имена разных фамилий и разного рода, то он

назывался «синодиком» (синодос – собрание), т. е. общим помянником (Новая Скрижаль, гл. 8, пар. 58).

В синодик вносятся «сорокоусты» – 40 дней сугубого поминовения новопреставленных. Записываются имена и на определенные продолжительные сроки, или же, по завещанию, на вечный помин. Вписываются также в синодик и имена прежде почивших наставников духовных и начальников, – запись эта служит для помина и напоминания потомству о их добрых делах.

Есть добрый обычай подавать с поминанником или запиской просфору, из которой вынимается частица на проскомидии с упоминанием имени усопшего и потом опускается в Св. Чашу. В подаваемых записках имена следует писать в родительном падеже: кого помянуть? «О упокоении Иоанна, Степана, Александры и др.» со словами «Отмый, Господи, грехи всех зде ныне нами поминаемых». В сочетании же с прошением «подаждь Господи...» кому? «Иоанну, Степану, Александре и др.».

Ежедневно об усопших Святая Церковь возносит молитвы: за литургией, на проскомидии, ектинии, по пресуществлении Святых Даров и потом на панихиде или литии. По желанию родственников усопшего совершаются моления в 3-й день, 9-й, 40-й и годовой. Третий день (обычно отпевание бывает и этот день) осмыслен Церковью как поминание и в честь тридневного Воскресения Иисуса Христа и во образ Пресвятой Троицы. Девятый день – в честь девяти чинов Ангельских, предстателей за душу усопшего пред Господом. В сороковой день, по верованию нашему, душа опять возносится на поклонение Богу, и тогда уже Судия определяет ей, до общего суда, место пребывания. Помин в годовой день – первая годовщина отсутствия на земле души усопшего

и годовщина его рождения для жизни будущей. Бытует обычай помянуть церковным чином близкого и в день его рождения и именин.

Счет дней для помина ведется так: начало второго дня считается время от 12 часов первой ночи после кончины; следовательно, если наступила смерть 1-го числа, то третьим днем будет 3-е число, девятым - 9-е и т. д. (3-й день смерти входит в счет).

Церковью установлены особые дни поминовения в Церкви - вселенские панихиды: в субботу перед мясопустной неделей, в субботы 2-й, 3-й, 4-й седмиц Великого поста, на Радоницу (вторник Фоминой седмицы), в субботу перед Троицей; а также Дмитриевская суббота (около 26 октября–8 ноября нового стиля) и в день Усекновения головы Иоанна Предтечи (29 авг.–11 сент. н. с.).

«Если нет известия о смерти, нельзя поминать за упокой». (Церковные Ведомости, 1891, с. 29).

КЛАДБИЩА

Ограды кладбищенские, памятники надгробные, места захоронений и все вокруг них должно быть сохраняемо в благоустройстве и чистоте. Необходимо наблюдать, чтобы могилы не были разрываемы для ограбления и поругания. Это преступление строго наказуемо законом гражданским и рассматривается Церковью как кощунство.

При погребении не возбраняется могилу внутри выложить кирпичом, но возводить особые сооружения на поверхности могилы не требуется.

Мертвые тела (в особых гробах) могут быть перевозимы из-за границы для их погребения в пределах России только с особого на то разрешения. При повторном захоронении служится только панихида, если

достоверно известно, что чин православного отпевания был совершен.

На Руси был обычай при Храмах, находящихся в селениях (но не в самих Храмах), погребать тела местных иереев и протоиереев, честно и беспорочно проходивших свое служение и христиански скончавшихся.

«Городские священники обыкновенно погребались на городских кладбищах» (Булгаков, с. 1933).

На кладбищах, по нынешнему новому законодательству, разрешается совершать отпевания, служить панихиды и литии.

В заключение нужно сказать, что все молитвословия за усопших и обращения к ним самим, как живым, свидетельствует о нашей вере в то, что наши близкие, отошедшие от нас, живы о Господе и слышат наши молитвы. Это есть выражение нашей надежды на то, что все достоблаженные отцы и матери, братья и сестры наши, жившие и скончавшиеся, соединятся с нами в Любви Христовой, и, предстоя пред престолом Небесного Отца, молятся за нас, как и мы за них.

«Бог да ублажит, упокоит их и нас помилует, яко Благ и Человеколюбец» (окончание отпуста).

В этом объединении «их» и «нас» исполняется таинственное единство тела церковного, тела господа нашего Иисуса Христа (Настольная книга священнослужителей, т. 4, с. 501).

Скорби в нашей жизни

Епископ Александр (Милеант)

НЕИЗБЕЖНОСТЬ СКОРБЕЙ

Ежедневно жизнь убеждает нас, что скорби неизбежны. Кто страдает от бедности, кто от потери близких, кто от болезни, кто от клеветы и человеческой злобы, а кого мучают его собственные страсти, недостатки или мнительность. Случается, что человек выглядит счастливым, а на самом деле, переживая душевные муки, скрывает свою скорбь.

Есть ли смысл в наших бедствиях, есть ли в них неосознанная цель, или все это только результат несовершенства мира и хаотичного столкновения случайных факторов? Или, может быть, страдания специально посылаются человеку в наказание за грехи как своего рода "отмщение" за непослушание? Есть ли возможность избежать скорбей или, по крайне мере, уменьшить их силу, - и если да, то как? Содействуют ли скорби духовному росту человека, или они только омрачают его существование и озлобляют его? Ответы на эти вопросы далеко не очевидны, и - как увидим - различные религии и философские школы по-разному отвечают на них.

В этой брошюре мы хотим взглянуть на проблему зла и скорбей в свете христианского понимания. Сначала мы рассмотрим, как объясняют зло и смысл скорбей различные религии и философские школы, потом приведем учение об этом Священного Писания и святых отцов, наконец, покажем, как правильное умонастроение, согретое верой в Бога, может в корне изменить наше восприятие житейских скорбей и радостей.

УЧЕНИЕ СВЯЩЕННОГО ПИСАНИЯ О ЗЛЕ И СТРАДАНИЯХ

Священное писание очень отчетливо отвечает на ряд принципиальных вопросов, связанных со злом в мире и страданиями человека: зло и страдания не от Бога. Бог, будучи бесконечно добр, все создал для блага и счастья человека. "И увидел Бог все, что Он создал, и вот, хорошо весьма," – читаем в заключении библейского повествования о сотворении мира (Быт. 1:31). Бог создал человека чистым, добрым и наделил его высокими духовными качествами, уподобив его Себе. Назначение человека состояло в развитии в себе добрых качеств, так что чем больше он достигал близости к Богу, тем больше он приобщался к блаженству Божественной жизни.

Но человек не устоял на высоте своего призвания. Как повествует книга Бытия, первый человек по внушению змия-обольстителя вкусил запретный плод и нарушил этим прямую заповедь Божию. Греховность этого поступка заключалась в том, что человек захотел уподобиться Богу не путем развития в себе добрых качеств – что сопряжено с внутренним усилием и требует времени, – а автоматически, так сказать, одним смелым скачком. Этим дерзким поступком Адам по наущению дьявола фактически прибегнул к магии, суть которой состоит в стремлении получить сверхъестественные способности, чрезвычайные знания или известные услуги разными механическими действиями и заклинаниями. Для магии характерно желание использовать таинственные потусторонние силы вне контекста их нравственного содержания и своей ответственности перед Богом.

Как видно из библейского повествования, змий был не простым пресмыкающимся, а существом ра-

зумным, хитрым и коварным. Он нагло клеветал на Творца и ловко обольстил доверчивого человека. В другом месте Священное Писание объясняет, что этот змий (он же “дракон”) был сам Денница - один из приближенных к Богу ангелов, поначалу добрый и светлый, а потом по гордости восставший против своего Творца. Отпав от Бога, Денница увлек с собой часть ангелов, образовав с ними мрачное царство зла, место мучений и ужасов, именуемое адом. (Падший Денница также именуется Сатаной, что значит клеветник, а последовавшие за ним ангелы - бесами или демонами). Трагедия отпадения от Бога поначалу добрых ангелов произошла еще до появления видимого мира. Таким образом, согласно Библии, зло зародилось не в косной материи, а в разумном и богоподобном духе и от него распространилось на вещественный мир.

Порочность греха первого человека состояла не только в нарушении определенной заповеди, но и в том, что человек принципиально отвернулся от Бога и встал на путь, по которому раньше него пошел его искуситель. Человек отвернулся от своего небесного Отца, чтобы служить себе лично, делать не то, что содействует благу, а то, что приятно лично ему. Отсюда-то, от порочного направления воли, ведут свое начало все бедствия и страдания человечества. Болезни, скорби и физическая смерть - это следствия нравственного зла. С помрачением души в человеке нарушился баланс между его духовной и физической природой: его нравственное чутье потускнело, а благородные устремления стали подавляться капризными и беспорядочными плотскими желаниями.

Но в падении человека обнаруживается и бесконечная милость Творца, Который последствия греха - страдания, болезни и смерть - премудро обратил в

средства врачевания и спасения человека. Священное Писание уделяет много внимания раскрытию этой истины.

После отпадения от Бога для человека начинается длинный и тернистый путь возвращения к Нему. Нравственное врачевание должно было совершаться активно, с участием воли человека, а не пассивно. Священная история показывает нам, как и внутренним влечением, и разными внешними способами Бог ведет к Себе человека, помогает ему стать на путь добра и милостиво прощает его падения. По причине духовного огрубения человека возникла необходимость объявить нравственный закон, начертанный в глубине его духовной природы, в форме простых и понятных заповедей, чтобы человек, кроме внутреннего, имел еще и внешнее руководство. Так, на протяжении долгого ветхозаветного периода Бог раскрывал Свою волю людям через Своих избранников – патриархов и пророков. Постепенно образовался сборник духовных книг, именуемый Священным Писанием. Ветхозаветное время было периодом обучения человека начаткам Закона Божия, привития утраченного чувства благоговения перед Творцом и осознания необходимости повиноваться Ему. Это был подготовительный период к принятию Евангельского учения и к обновлению сердца благодатью Святого Духа.

Люди с чуткой душой на личном опыте раньше или позже убеждаются в том, что всякая радость и утешение приходят от Бога, а всякая скорбь – от собственных прегрешений и от порочности других людей. Постижение этой важной истины было подлинно великим достижением ветхозаветного периода. Так, царь Давид в своих вдохновенных псалмах делится опытом, приобретенным им в течение многих лет:

“Близок Господь к сокрушенным сердцем и смиренных духом спасет. Много скорбей у праведного, и от всех их избавит его Господь... Ты укажешь мне путь жизни: полнота радости пред лицом Твоим, блаженство в деснице Твоей вовек” (Псал. 33:20 и 15:11).

Ветхозаветное Писание учило об абсолютной справедливости Божией, согласно которой человек, делающий добро, заслуживает награды, а поступающий плохо – наказания. Причем Писание учило, что именно сам согрешающий, а не посторонние, должен понести наказание. Однако на практике далеко не всегда оправдывался принцип справедливости к великому недоумению людей, искренне желающих жить праведно. Тогда еще не были раскрыты во всей ясности сроки и способы осуществления Божественной справедливости, потому что загробная участь человека была обусловлена пришествием обещанного Мессии. Читая священную историю, мы видим, что даже праведные люди не всегда могли примириться с вопиющими несправедливостями жизни. Они не понимали, почему во всем совершенный Господь иногда не заступается за невинных и допускает торжество беззакония. Праведный Иов, например, на которого внезапно посыпались всевозможные бедствия, а именно: в течение нескольких дней он лишился всего своего имущества, семьи и даже здоровья, – смиренно покорился воле Божией, но не мог понять, почему Бог допустил, чтобы его постигли такие несчастья.

Пророк Иеремия, часто подвергаясь гонениям за проповедь слова Божия, в недоумении вопрошал Господа:

“Праведен будешь Ты, Господи, если я стану судиться с Тобою; и однако же буду говорить с Тобою о правосудии: почему путь нечестивых благоуспешен,

и все вероломные благоденствуют? Ты насадил их, и они укоренились, выросли и приносят плод". И немного позже он даже как бы ропщет на свою участь: "Горе мне, мать моя, что ты родила меня человеком, который спорит и ссорится со всей землей! Никому не давал я в рост, и мне никто не давал в рост, а все проклинают меня... Я каждый день в посмеянии, всякий издевается надо мной. Ибо лишь только начну говорить, я кричу о насилии, вопию о разорении, так что слово Господне обратилось в поношение мне и в повседневное посмеяние. И подумал я: не буду я напоминать о Нем и не буду больше говорить во имя Его. Но было в сердце моем, как бы горящий огонь, заключенный в костях моих, и я истомился, удерживая его, и не мог" (Иер. 12:1–4, 15:10-11 и 20:7–9).

Таким образом, ветхозаветное Писание не давало исчерпывающего ответа на недоумение, почему так часто нарушается справедливость. Тем не менее, уже тогда некоторые смогли несколько глубже вникнуть в тайну скорби и увидеть, что, помимо наличия заслуженности или незаслуженности, скорби имеют свою светлую, положительную сторону. "Сетование лучше смеха, – замечает премудрый царь Соломон на закате своего жизненного пути, – потому что при печали лица сердце делается лучше!" (Ек. 7:3).

Центральной темой Нового Завета является учение о спасении человечества добровольными страданиями воплотившегося Сына Божия. В Новом Завете страдания не просто возмездие за преступление, они имеют активную искупительную силу. Страдания – источник обновления и спасения. Бог не скрывается за пределами необъятного пространства и Он не безразличен к людским бедствиям, как думали языческие мудрецы. Напротив, Он "так возлюбил мир, что отдал Сына Своего Единородного, чтобы всякий, ве-

рующий в Него, не погиб, но имел жизнь вечную" (Ин. 3:16).

Из великой жалости к людям Сын Божий сходит с высоты Своей небесной славы в наш скорбный мир, берет на Себя бремя человеческих грехов и смывает их Своей пречистой кровью на кресте. Его раны – лекарство от наших недугов, Его смерть – это начало новой блаженной жизни. На кресте через страдания Богочеловека совершилась великая тайна обновления человеческого естества, поврежденного грехом.

Святой Григорий Богослов противопоставляет крестную жертву Спасителя вкушению запретного плода в Эдеме: "Для сего древо за древо, и руки – за руку; руки мужественно простертые за руку, невоздержно простертую, руки пригвожденные – за руку своевольную... Для сего – вознесение на крест за падение, желчь за вкушение, терновый венец за худое владычество, смерть за смерть".

Своей искупительной смертью и победоносным воскресением Господь низложил древнего змия-искусителя и дал верующим "власть наступать на змей и скорпионов и попирать всю силу вражию" (Лк. 10:19). Искупленному человеку открывается путь в Царство Небесное и к вечной радости. Немощному и привыкшему грешить человеку путь к Небу по временам кажется узким и трудным, но Господь Иисус Христос ободряет каждого, желающего стать на спасительный путь, говоря: "Придите ко Мне все труждающиеся и обремененные, и Я успокою вас. Возьмите иго Мое на себя и научитесь от Меня, ибо я кроток и смирен сердцем, и найдете покой душам вашим, ибо иго Мое благо и бремя Мое легко" (Мф. 11:28–30).

Страдания и бедствия человека в этой временной жизни не упразднены пришествием Христа, однако они утратили свою прежнюю остроту и мрачность.

Дело в том, что зло так сплелось с нашим существом, так вросло в наше сердце, что процесс освобождения от него всегда сопряжен с болью. Но небесный луч Духа Утешителя разгоняет мрак в душе страдальца и согревает его ощущением Божественной любви. Замечательно, что еще на пути человека к Царству Небесному Дух Святой Своим присутствием дает предвкусить верующему радость уготованной ему вечной жизни. Праведники, удостоенные такой радости, свидетельствуют, что в сравнении с ней все земные блага и веселье становятся ничтожными. Поэтому апостолы учили, что верующие не должны скорбеть, "как прочие [язычники], не имеющие надежды", но должны радоваться и благодарить Бога (1 Фес. 4:13).

"Как Христос пострадал за нас плотью, то и вы вооружитесь тою же мыслью, – пишет ап. Петр, – ибо страдающий плотью перестает грешить" (1 Пет. 4:1–2). И немного дальше: "Возлюбленные! Огненного искушения, для испытания вам посылаемого, не чуждайтесь, как приключения для вас странного; но как вы участвуете в Христовых страданиях, радуйтесь, да и в явлении славы Его возрадуетесь и восторжествуете" (1 Пет. 4:12–13). Как огонь очищает от примесей драгоценный металл, так нужно, чтобы и "испытанная [скорбями] вера оказалась драгоценнее … огнем испытываемого золота, – к похвале, чести, и славе в явление Иисуса Христа" (1 Пет. 1:6–8).

Христианская вера расширяет кругозор верующего человека и дает ему возможность видеть временное на фоне вечности. Страдания невинных не напрасны: они средство к получению большей награды на Небе. Так, согласно евангельской притче, многим казалось, что жизнь жестоко обидела нищего Лазаря. В то время, как он голодал и беспомощно страдал от

язв лежа у ворот богача, тот ежедневно пиршествовал и веселился. Ни богач, ни его друзья не выражали Лазарю даже малейшего сочувствия. Когда Лазарь умер, никто не пришел на его похороны. С житейской точки зрения, его жизненный жребий – сплошная несправедливость. Однако, приподнимая завесу, за которой начинается иной мир, Евангелие дает нам увидеть, что с физической смертью прекратилась не жизнь, а лишь страдания Лазаря. Теперь за свое терпение и незлобие он удостоен великой награды. Таким образом, переступив порог временной жизни, человек вступает в мир, где царствует абсолютная справедливость. Поэтому в трудные минуты жизни надо напоминать себе, что "нынешние временные страдания ничего не стоят в сравнении с тою славою, которая откроется в нас" (Рим. 8:18).

Для более полного понимания излагаемой здесь темы очень ценны автобиографические заметки апостола Павла, в которых он рассказывает об испытаниях, постигающих его в его апостольской деятельности, и как он постепенно понял пользу их.

"Я был без меры в трудах, в ранах, в темницах и многократно при смерти. От иудеев было дано мне пять раз по сорок ударов без одного. Три раза меня били палками, однажды камнями побивали, три раза я терпел кораблекрушения, ночь и день пробыл во глубине морской. Много раз был в путешествиях, в опасностях на реках, в опасностях от разбойников, в опасностях от единоплеменников, в опасностях от язычников, в опасностях в городе, в опасностях в море, в опасностях между лжебратьями. В труде, в изнурении, часто в бдении, в голоде и жажде, часто в посте, стуже и наготе" (2 Кор. 11:23–29).

И при всем этом у апостола Павла не видно и тени озлобленности или ропота, что он, посвятив-

ший свою жизнь Богу, как бы отдан на поругание и издевательство врагов. Напротив, вот как апостол языков научился воспринимать все случающееся с ним:

“Благословен Бог и Отец Господа нашего Иисуса Христа, Отец милосердия и Бог всякого утешения, утешающий нас во всякой скорби нашей, чтобы и мы могли утешать находящихся во всякой скорби тем утешением, которым Бог утешает нас самих. Ибо по мере того, как умножаются в нас страдания Христовы, умножается Христом и утешение наше... Нас огорчают, а мы всегда радуемся; мы нищи, но многих обогащаем; мы ничего не имеем, но всем обладаем” (2 Кор. 1:3–6, 6:9).

Кроме внешних скорбей и препятствий, связанных с проповедью, апостола Павла удручала еще какая-то физическая немощь, какой-то непонятный внутренний недуг, доводящий его порой до полного изнеможения, который он называет “жалом ангела сатаны” в своей плоти. Апостол трижды усиленно молил Бога избавить его от этого недуга, препятствующего ему совершать апостольское служение. Но Господь, вместо исцеления, явился ему Сам и сказал: “Довольно для тебя благодати Моей, ибо сила Моя в немощи совершается”. Поняв, что недуг послан ему для духовной пользы: чтобы научить его надеяться не на свои силы, а на помощь Божию, – апостол пришел к такому решению: “Я более охотно буду хвалиться немощами своими, чтобы обитала во мне сила Христова... Посему я благодушествую в немощах, в обидах, в нуждах, в гонениях, в притеснениях за Христа. Ибо когда я немощен, тогда я силен!” (2 Кор. 12:7–11).

Вот новое и подлинно ценное откровение о пользе скорбей! Принимаемые со смирением и надеждой на Бога, они привлекают к страдальцу божественную

силу, которая во много раз превышает его естественные силы и делает человека орудием Промысла Божия для спасения множества людей и даже целых народов.

Итак, новозаветное Писание раскрывает перед нами искупительную сторону страданий. Добровольные страдания Сына Божия принесли спасение миру. Упраздняется первопричина всякого зла – грех, а малые и временные скорби оставляются в качестве лекарства, как средства к духовному совершенствованию. Как было дано увидеть писателю книги Откровения, ап. Иоанну Богослову, Царство Небесное наполнено людьми из всякого колена, языка, народа и племени, людьми разных культур, степеней образования и социального происхождения. Общее у них то, что они пришли сюда от "великой скорби" (От. 7:14), т.е. у каждого спасенного был свой жизненный крест. И во главе этого неисчислимого сонма апостол видит посреди небесного жертвенника Агнца Божия – Иисуса Христа.

Каждый человек хотел бы попасть в рай, но не каждый осознает и не каждый хочет примириться с фактом, что и ему надо безропотно понести свою долю скорбей, чтобы не оказаться чужим среди прочих, пришедших сюда именно через страдания. Мы знаем, что "многими скорбями надлежит нам войти в Царство Божие" (Деян. 14:22), и в то же время нам надо всеми силами преодолевать в себе всякое мрачное настроение. Христианин должен всегда радоваться и благодарить Бога, потому что скорби – это временное состояние. Свой духовный взор надо устремлять к Господу, от Которого всякое утешение и радость, а также будущая жизнь, в которой уже не будет ни обманов, ни неправд, ни болезней, ни смерти, ни всего того, что омрачает наше земное существование, но будет вечное блаженство. Напоминая об этом, апостолы учили хри-

стиан: "Радуйтесь всегда о Господе, и еще говорю: радуйтесь" (Фил. 4:4). Христианство – это прежде всего вера в победу добра. Оно принесло людям свет, любовь и подлинную радость в общении с Небесным Отцом.

СВЯТЫЕ ОТЦЫ О ТОМ, КАК ОТНОСИТЬСЯ К СКОРБЯМ

Изложенное здесь учение о скорбях будет неполным без святоотеческих наставлений на эту тему. Опыт святых – это неисчерпаемая сокровищница мудрости для каждого, кто старается правильно относиться к неизбежным скорбям, чтобы не оказаться подавленным ими. Ниже приводим избранные мысли как древних, так и сравнительно современных православных подвижников.

Преподобный Антоний Великий (4-ый век, Египет): Чем более умеренную проводит жизнь человек, тем спокойнее он становится, потому что не заботится о многом – о прислуге и приобретении вещей. Если же мы прилепляемся к этому [земному], то подвергаемся случающимся из-за него скорбям и доходим до ропота на Бога. Таким образом, желание многого наполняет нас смятением, и мы блуждаем во тьме греховной жизни.

Преподобный Ефрем Сирин (Месопотамия, 4-ый век): Не можешь ты снести оскорбления? Молчи – и успокоишься. Не думай, что ты страдаешь больше других. Как живущему на земле невозможно избежать воздуха, так человеку, живущему в этом мире, невозможно не быть искушенным скорбями и болезнями. Занятые земным от земного испытывают и скорби, а стремящиеся к духовному о духовном и болеют душой. Однако последние будут блаженны, потому что плод их обилен о Господе.

Если пришла печаль, будем ожидать приближения и радости. Возьмем в пример плывущих по морю. Когда поднимается буря, они борются с волнами, ожидая тихой погоды; а когда настанет тишина, они готовятся к буре. Они всегда бдительны, чтобы поднявшийся внезапно ветер не застал их неготовыми и не перевернул судна. Так и нам надо действовать: когда приключится скорбь или трудные обстоятельства, будем ожидать облегчения и помощи от Бога, чтобы не удручила нас мысль, будто нет уже для нас надежды на спасение.

Все от Бога – и благое, и скорбное. Но одно по благоволению, а другое по домостроительству и попущению. По благоволению – когда живем добродетельно, потому что угодно Богу, чтобы живущие добродетельно украшались венцами терпения; по домостроительству – когда согрешая, бываем вразумляемы; по попущению же – когда и вразумляемые не обращаемся. Бог промыслительно наказывает нас, согрешающих, чтобы мы не были осуждены с миром, как говорит апостол: "Судимы от Господа, наказываемся, да не с миром осудимся" (1 Кор. 11:32).

Преподобный Марк Подвижник (5-ый век, Египет): Если кто явно согрешая и не каясь, не подвергается никаким скорбям до самого исхода, то знай, что суд над ним будет без милости... Желающий избавиться от будущих горестей должен охотно переносить настоящее. Ибо таким образом, мысленно изменяя одно в другое, он через малые скорби избежит великих мучений.

Когда вследствие обиды раздражается твоя утроба и сердце, не печалься, что промыслительно пришло в движение скрывавшееся внутри тебя зло. Но с радостью низлагай возникшие помыслы, зная, что вместе с тем, как они истребляются при своем появлении, истребляется вместе с ними и зло, лежащее

под ними и приводящее их в движение. Если же помыслам позволяют коснеть и часто появляться, то и зло обычно усиливается.

Преп. Исаак Сирин (6-й век, Сирия): Такова воля Духа, чтобы возлюбленные Его пребывали в трудах. Дух Божий не обитает в тех, кто живут в покое. Тем и отличаются сыны Божии от прочих, что они живут в скорбях, а мир гордится роскошью и покоем. Не благоволил Бог, чтобы возлюбленные Его покоились, пока они в теле, но хочет, чтобы теперь они пребывали в скорби, в тяготе, в трудах, в скудости, в наготе, в нужде, в унижении, в оскорблениях, в утружденном теле, в печальных мыслях. Так исполняется сказанное о них: В мире будете иметь скорбь (Ин. 16:33). Господь знает, что живущие спокойно не способны любить Его, и потому отказывает праведникам во временном покое и услаждении.

За всякой телесной отрадой следует страдание, а за всяким страданием ради Бога следует отрада. Душа, которая любит Бога, в Боге и в Нем Едином приобретает себе успокоение. Радость о Боге крепче здешней жизни, и кто нашел ее, тот не только не посмотрит на страдания, но даже не обратит взора на жизнь свою, и не будет там иного чувства, если действительно была эта радость.

Малая скорбь ради Бога лучше великого дела, совершаемого без скорби. Что творится без труда, то есть “праведность” мирских людей. Но ты подвизайся втайне и подражай Христу, чтобы тебе удостоиться вкусить и славы Христовой. Ум не прославится вместе с Иисусом, если тело не пострадает с Ним.

Паче всякой молитвы и жертвы драгоценны перед Богом скорби за Него и ради Его.

Бог близок к скорбящему сердцу того, кто к Нему вопиет в скорби. Если и повергает иногда в телесном

лишениям и иным скорбям, но в душе скорбящего являет Господь великое человеколюбие, соразмерно с жестокостью страданий в скорби его.

Старец Варсонуфий (6-й век, Палестина): Желаешь ли избавиться от скорбей и не тяготиться ими? Ожидай больших, – и успокоишься.

Авва Дорофей (7-й век, Палестина): Душа, по мере совершения греха, изнемогает от него, потому что грех расслабляет и приводит в изнеможение того, кто предается ему. И поэтому человек тяготится всем, что случается с ним. Если же человек преуспевает в добром, то по мере преуспевания все, что некогда казалось тяжелым, теперь становится более легким.

Есть люди до того изнемогающие от болезней и напастей этой жизни, что предпочитают умереть, лишь бы только избавиться от скорбей. Это происходит с ними от малодушия и большого неразумия, ибо они не думают о той страшной нужде, которая постигает людей, когда их душа покидает тело. Вот что рассказывает книга "Отечник". Один усердный послушник спросил своего старца: "Почему я хочу умереть?" Старец ответил ему: "Оттого, что ты избегаешь скорбей и не знаешь, что грядущая скорбь гораздо тяжелее здешней". А другой послушник спросил старца: "Отчего я, находясь в кельи, впадаю в беспечность и уныние?" Старец сказал ему: "Оттого, что ты еще не познал ни ожидаемого покоя, ни будущего мучения, ибо если бы ты достоверно познал это, то хотя бы келья твоя была бы полна червей, так что ты стоял бы в них по самую шею, ты бы переносил это, нимало не расслабляясь." Но мы, почивая, хотим спастись и потому изнемогаем от скорбей, в то время, как мы должны были бы благодарить Бога и считать себя блаженными, что можем немного поскорбеть здесь, чтобы там обрести покой.

Верь, что бесчестья и укоры от людей – это лекарства, врачующие твою гордость, и молись об укоряющих тебя, как об истинных врачах твоей души. Будь уверен, что тот, кто ненавидит бесчестье, ненавидит и смирение, и кто избегает огорчающих его, тот сторонится кротости.

Авва Зосима (4-ое столетие, Египет?): Уничтожь искушения и борьбу с помыслами – и не останется ни одного святого. Бегущий от спасительного искушения бежит от вечной жизни. Кто доставил святым мученикам венцы, если не мучители их? Кто даровал первомученику Стефану такую великую славу, если не те, которые побили его камнями?

Преподобный Серафим Саровский (18-й век, Россия): Кто победил страсти, тот победил и печаль. А одолеваемый страстями не избежит оков печали. Как больной виден по цвету лица, так одержимый страстью отличается печалью.

Тело есть раб души, а душа – царица. Потому часто бывает, что по милосердию Божию наше тело изнуряется болезнями. Из-за болезней же страсти слабеют, и человек приходит в себя... Кто переносит болезнь с терпением и благодарностью, тому вменяется она в подвиг, или даже более его.

Не должно предпринимать подвигов сверх меры, а стараться надо, чтобы друг – плоть наша – был бы верен и способен к творению добродетелей. Надобно идти средним путем, не уклоняясь ни вправо, ни влево: духу давать духовное, а телу телесное, потребное для содержания временной жизни.

Ученикам, порывающимся брать на себя чрезмерные подвиги, преподобный Серафим говорил, что безропотное и кроткое перенесение обид – это вериги наши и власяница.

Должно снисходить к душе своей в ее немощах и

несовершенствах, и терпеть свои недостатки, как терпим недостатки ближних.

Веселость – не грех. Она отгоняет усталость, а от усталости ведь уныние бывает, и хуже его нет. Ах, если бы ты знал, – говорил он однажды иноку, – какая радость, какая сладость ожидает душу праведного на Небе, то ты решился бы во временной жизни переносить всякие скорби, гонения и клевету с благодарностью. Если бы самая эта келья наша была полна червей и если бы эти черви ели нашу плоть в течение всей здешней жизни, то со всяким желанием надобно бы на это согласиться, чтобы только не лишиться той небесной радости, которую уготовал Бог любящим Его.

Старец Никон Оптинский [Беляев] (1927 год, Россия): Если хочешь избавиться от печали, не привязывайся сердцем ни к чему и ни к кому.

В скорбях и искушениях Господь помогает нам. Он не освобождает нас от них, а подает силу легко переносить и даже не замечать их.

Старец Силуан (1938 год, Афон): Господь любит всех, но допускает скорби, чтобы люди познали свою немощь и смирились, и за свое смирение приняли Святого Духа, а с Духом Святым – все хорошо, все радостно.

Ты говоришь: "У меня много горя". Но я тебе скажу: "Смирись и увидишь, что твои беды превратятся в покой, так что ты и сам удивишься, и скажешь: Почему же я раньше так мучился и скорбел? Но теперь ты радуешься, потому что смирился, и пришла благодать Божия; теперь ты хотя бы один сидел в бедности, радость не оставит тебя, потому что на душе у тебя мир, о котором Господь сказал: "Мир Мой даю вам". Так всякой смиренной душе Господь дает мир.

Душа смиренного как море. Брось в море камень, он на минуту возмутит слегка поверхность, а затем утонет в глубине его. Так скорби утопают в сердце смиренного, потому что с ним сила Господня.

Игумен Никон [Воробьев] (1963 год, Россия): Мир [посылаемый Богом] делает человека нечувствительным к земным скорбям и страданиям, погашает всякий интерес к миру сему, влечет человека горе, рождает в сердце любовь ко всем, которая покрывает все недостатки ближнего, не замечает их, заставляет жалеть другого больше чем себя.

ОБРЕТЕНИЕ ВЫСШЕГО БЛАГА

Согласно священному писанию и опыту святых отцов единственное действительное зло - это нарушение нравственных норм. Отсюда ведут свое начало другие формы зла. Моральное зло возникает внутри нравственно-свободного существа, и если им же добровольно не пресекается, то зреет все больше и крепнет в человеке, постепенно срастаясь с его волей и все более выявляя себя в разрушительных и гнусных поступках.

Но как собственно зарождается нравственное зло? Какие духовные процессы ведут к нему? Поиски ответа на эти вопросы заставляют глубже анализировать, что собственно есть благо. Существует множество духовных и физических ценностей, которые желательны и к которым следует стремиться. И чем выше человек поднимает свой взор, чтобы разглядеть более ценные из них, тем явственнее для него становится, что над всем сияет как солнце одно абсолютное, безусловное и высшее Благо - Господь Бог! От Него ведут свое начало и все другие блага.

Эта истина станет еще более очевидной, если мы

мысленно перенесемся в то далекое прошлое, когда еще ничто не существовало: ни духовный (ангельский), ни наш видимый мир. Было время, если можно так выразиться, когда даже не существовали такие фундаментальные формы бытия, как время и пространство, без которых немыслим вещественный мир. Даже не существовала пустота (вакуум), потому что она предполагает пространство. (Вакуум, согласно современной физике – это сложное, губкообразное, вибрирующее состояние пространства, в котором непрерывно появляются и исчезают виртуальные частицы. Существовало лишь одно всемогущее, всеблагое, совершенное, личное и разумное Существо, Которое мы именуем Богом.

Можно, конечно, отвлеченно представить себе индуктивным путем бесконечно продолжительное время и бесконечно великое пространство, которое частично заполнено мирами вроде нашего. Однако, строго говоря, бесконечное пространство и бесконечное время – это несуществующие умственные построения, нужные для решения некоторых математических и физических задач. В действительности же и время, и пространство – это творения Божии: конечные, ограниченные и, в сравнении с Богом, ничтожные величины. Только Он один бесконечен и вечен, будучи выше понятий времени и пространства.

Являясь первопричиной всего, Бог по Своей благости создал сначала духовный мир, населив его бестелесными разумными существами, которых мы именуем ангелами. После этого создал уже и наш видимый мир – с его величием, красотой и разнообразием жизненных форм. Наконец, как некий венец видимого мира, Он создал человека, украсив его некоторыми Своими божественными свойствами: свободной волей и влечением к нравственному совер-

шенству. Так как все получило свое бытие от благого Творца, то все носит на себе печать блага в большей или меньшей степени. Надо осознать, что ограниченность и несовершенство всего созданного не есть зло (как думали некоторые философы), потому что, по премудрому устройству Творца, в природе каждая вещь, даже самая малая частица, каждое микроскопическое существо служит благу целого и дополняет одно другое. Так все духовное в совокупности с физическим образует одно великое и гармоничное Царство Добра.

В то время, как бездушная природа подчинена законам необходимости, а животные – заложенным в них инстинктам, ангелы и люди обладают свободой выбора между действиями, которые имеют нравственный характер, то есть могут быть правильными или неправильными, добрыми или злыми. Нравственное чувство через голос совести подсказывает, какое из возможных действий лучше, а какое хуже с моральной точки зрения, какое благо выше, а какое ниже. Эти два свойства – свобода воли и нравственное чувство – возвышают ангелов и людей над бездушной природой и над животным миром, открывая путь к совершенствованию и к все большему уподоблению Создателю.

Если каждая вещь в природе, даже самая ничтожная, имеет свое назначение, то назначение разумно-нравственных существ – ангелов и людей состоит в созидании и укреплении Царства Добра, – в этом великом деле Божием. Природа участвует в общем благе пассивно, а нравственно свободные существа активно. Это огромная честь, но вместе с тем и ответственность.

В молитве "Отче наш" Господь Иисус Христос учит всех стремиться к большему благу. Слова мо-

литвы: “Да святится имя Твое” выражают наше желание, чтобы всюду и везде прославлялось имя Божие. А это достигается не столько устным восхвалением Бога, сколько укреплением и расширением Его Царства Добра, к которому Он удостоил нас принадлежать. Следующее прошение молитвы собственно и говорит об этом подробнее: “Да приидет Царствие Твое, да будет воля Твоя яко на небеси и на земли”.

Как планеты и астероиды, облетая солнце, ничего не прибавляют к его сиянию, так и мы ничего не можем дать Богу, чего бы Он уже не имел. Он хочет только, чтобы мы все больше совершенствовались и способствовали благу других. Делая добро и распространяя его вокруг себя, мы оказываемся соработниками у Бога, активными участниками в созидании Добра. Слава Божия – это та точка фокуса, к которой должен быть устремлен наш духовный взор, потому что, стараясь все направлять к славе Божией, мы никогда не споткнемся. Как для Господа Иисуса Христа целью Его пришествия в мир было прославление имени Бога Отца (Ин. 7:18, 17:1), так и Его последователи – христиане должны научиться все свои мысли, желания и поступки направлять к славе Божией. “Едите ли, пьете ли, или иное что делаете, все делайте во славу Божию”, – наставляет апостол (1 Кор. 10:31).

Установив таким образом, что Бог есть высшее и абсолютное Благо и только от Него льются струи света и жизни, мы можем теперь поставить в правильную перспективу разные ценности жизни. Каждый человек чего-то желает и к чему-то стремится. Кто больше всего ценит счастливую семейную жизнь, кто карьеру, кто богатство, кто разные удовольствия. И этим своим истинным или мнимым благам они отдают все свое время и силы, трудятся, спешат, куда-

то несутся, как одурманенные. Если же теряют что-либо или терпят несправедливости, то огорчаются и ссорятся с другими, иногда идут на преступления. Они не понимают, что престижные предметы и житейские преимущества, которые их так волнуют и которым они отдают столько сил, фактически ничтожны в сравнении с духовными благами, которых они не замечают и понапрасну теряют.

Сознание того, что именно Бог и только Он един есть высшее, абсолютное Благо и источник всякого блага, помогает человеку освободиться от жизненного дурмана и увидеть все происходящее в правильном свете. Здоровье – хорошо, и богатство не запрещается. Успех в делах, счастливая семья, невинные радости и другие блага жизни посылаются нам для того, чтобы мы благодарили Бога, научились подражать Богу в Его благости, научились любить ближних. Если Бог чего-либо не посылает нам или даже отнимает, значит так лучше: Ему виднее, что нам нужно. Главное же для всех – это познавать Бога и духовно приближаться к Нему, второе – посильно содействовать укреплению и распространению царства Добра. Отнимая разные временные блага, Господь учит нас спокойно относиться к ним, как к малым и незначительным. Надо не забывать благодарить Бога, когда Он посылает нам Свои милости, и не роптать, когда отнимает что-либо. Ведь если, по слову Спасителя, даже волосы на голове нашей сочтены Богом, тем более важные события в нашей жизни управляются Его милостивой десницей. Когда мы научимся так смотреть на вещи, тогда мы избавим себя от многих лишних огорчений, и каждое обстоятельство будет содействовать нашему благу и благу людей, с которыми мы соприкасаемся.

На противоположной стороне ценностей находится

область нравственного зла, которая начинается с предпочтения меньшего блага большему. Когда человек личную выгоду противопоставляет благу ближнего или домогается славы себе за счет славы Божией, тогда он становится на опасный путь. Конечно, единичные ошибки неизбежны, и на них мы учимся. Но когда такая деятельность становится нормой жизни, когда человек принципиально меньшее благо противопоставляет большему, тогда он становится на путь зла. Как нет конца духовному совершенствованию, так и нет предела нравственному падению. Чем больше нравственно-свободное существо удаляется от высшего Блага, тем больше беднеет оно, потому что оно растрачивает данное Творцом внутреннее богатство. Зло начинается от сознательного выбора, но чем дальше человек или духовное существо идет в сторону зла, тем несвободнее он делается. Зло порабощает всякого, кто служит ему – такова его природа.

Хотя абсолютное зло, как и абсолютный нуль температуры, недостижимо, однако постоянно повторяемые безнравственные поступки низводят человека (как некогда падших ангелов) к своего рода "черной дыре", (астрономический объект настолько массивный, что ничто, даже свет, не может вырваться из его поля притяжения). Здесь происходит своего рода "материализация" зла. Эта "тайна беззакония" состоит в том, что демоны и закоснелые грешники доходят до такого извращения, что они начинают получать удовольствие, делая зло или причиняя боль другим. Одновременно с этим все большее отчуждение от Бога постепенно переходит в жгучую ненависть к Нему и к Его царству Добра.

Таким образом то, что началось, с казалось бы, невинного желания личного удовольствия или жажды славы, если вовремя не остановить, вырождается

в сознательное предпочтение зла и ведет к утрате всех заложенных Богом добрых качеств. Человек (или падший ангел) чем более грешит, тем более тупеет, становится импульсивнее, беспорядочнее, разнузданнее, неукротимее в ненависти. Злоба, как адский пламень, все больше пожирает его. Старец Зосима говорит в "Братьях Карамазовых": "[Бесы] ненасытны во веки веков, и прощение отвергают, и Бога, зовущего их, проклинают. Бога живого без ненависти созерцать не могут и требуют, чтобы не было Бога жизни, чтобы уничтожил Он и Себя, и все созданное Им. И будут они гореть в огне гнева своего вечно, жаждать смерти и небытия. Но не получат смерти".

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Итак, страдания неизбежны в этой временной жизни. Они, с одной стороны, – следствие нашей личной греховности, нравственной испорченности других и общего несовершенства этого временного мира. С другой стороны, в руках премудрого промысла Божия скорби становятся орудием вразумления и исправления. Два разбойника, распятых с Христом, олицетворяют две категории людей. Все люди грешны и все страдают в большей или меньшей степени. Но одни люди, подобно разбойнику ропщущему, распятому по левую сторону от Христа, чем больше страдают, тем больше озлобляются, и скорби не приносят им пользы. Другие же, подобно благоразумному разбойнику, сознают, что они заслуживают наказания и смиренно просят у Бога прощения и помощи. При таком настроении их житейские скорби вменяются им в страдания ради Господа, и их личный крест преобразуется в Крест Христов. Это служит к их духовному обновлению и спасению.

И таков духовный закон, что не только терпеливо принимаемые страдания, но всякое духовное усилие вообще, всякое добровольное лишение, всякий отказ, жертва – трансформируются в богатство внутри нас. Парадоксально, но действительно так: чем больше мы теряем внешне, тем больше приобретаем внутренне. Вот почему "трудно богатым войти в Царствие Небесное", – потому что в них не совершается этой замены на небесные, нетленные блага. Мужественные души инстинктом ищут подвига и крепнут в отречениях. Это замечали еще древние философы.

Радостями надо уметь пользоваться. Они, как и богатство или слава, расслабляют, делают человека самонадеянным, легкомысленным, надменным.

При этом скорби и радости – это чисто субъективные состояния. Праведник страдает, когда видит гибель грешников, сами же грешники радуются, получая удовольствие. Безбожник скорбит, видя успех веры, праведник же радуется этому. Блаженны мы, если страдаем по тем же причинам, по которым страдал Господь наш Иисус Христос, Его апостолы и святые, потому что станем участниками и их радости.

Существуют страдания, которые можно назвать суетными и излишними, которые возникают от маловерия, от неправильного образа мыслей. Иногда человек сам измышляет себе страхи и волнения и ходит расстроенным даже при самых благоприятных условиях.

Необходимо все в жизни поставить на правильное место, научиться отчетливо отличать главное от неглавного, основное от менее ценного. Для этого необходимо понять и прочувствовать, что Бог есть высшее благо и источник всякого блага.

Есть и высокая радость. То радость о Господе, ра-

дость апостолов и святых. Это не мирская радость. Мирская радость начинается удовольствием, а кончается скорбью, радость же святых начиналась скорбью, а кончалась удовольствием. Апостолы и мученики были бичуемы и радовались о Господе; были заключенными и благодарили; были побиваемы камнями и проповедовали. Радующийся мирскому не может радоваться о Боге.

Земное счастье: любовь, семья, молодость, здоровье, наслаждение жизнью, природой – это тоже "добро есть", и не надо думать, что Господь осуждает людей за это. Плохо только стать рабом своего удовольствия, пренебрегая высшими духовными благами. Страдания, с точки зрения внутреннего роста, ценны не сами по себе, а только по своим результатам. Теряя земное счастье, человек становится лицом к лицу с высшими ценностями, начинает иными глазами смотреть на себя и на свою временную жизнь, обращается к Богу. Отсюда следует, что земное счастье, связанное со всегдашней памятью о Боге, не исключающее напряженной духовной жизни, – есть безусловное добро. Подобным образом и страдания, если они озлобляют или принижают человека, не преображая его, не давая благотворной реакции, – есть сугубое зло.

Благо нам, если мы сами вовремя внутренне освободимся от широких путей мира сего, если ни радости жизни, ни богатство, ни удача не заполнят наше сердце и не отведут его от главного. В противном случае Господь в гневе Своем сокрушит идолов наших: богатство, комфорт, карьеру, здоровье, жажду земного счастья – чтобы мы поняли, наконец, что они ничто!

МОЛИТВА СКОРБЯЩЕГО

ПСАЛОМ 142-Й

Господи! Услышь молитву мою, внемли молению моему по истине Твоей. Услышь меня по правде Твоей, и не войди в суд с рабом Твоим, ибо не оправдается пред Тобой никто из живущих. Ибо враг преследовал душу мою, смирил до земли жизнь мою, посадил меня в темноте, как от века умерших. И уныл во мне дух мой, смутилось во мне сердце мое. Вспомнил я дни древние, размышлял о всех делах Твоих, вникал в творения рук Твоих. Простирал к Тебе руки мои: душа моя стремится к Тебе, как земля безводная. Скоро услышь меня, Господи: исчез дух мой. Не отвращай лица Твоего от меня, а иначе я уподоблюсь сходящим в могилу. Возвести мне с утра милость Твою, ибо на Тебя уповал.

Покажи мне, Господи, путь, по которому мне идти, ибо к Тебе я вознесся душою моею. Удали меня от врагов моих, ибо я к Тебе прибег. Научи меня исполнять волю Твою, ибо Ты – Бог мой. Дух Твой благий поведет меня в землю правды. Ради имени Твоего, Господи, даруешь мне жизнь; по правде Твоей изведешь из печали душу мою. И по милости Твоей истребишь врагов моих и погубишь всех угнетающих меня, ибо я раб Твой.

Оглавление

Тираж 10 000 экз. Заказ № 3978.
Отпечатано в ОАО «Тульская типография».
300600, г. Тула, пр. Ленина, 109.

Живя в Церкви, мы призваны принять участие в ее опыте. Наше знание Бога идет не от книжного знания, не от знания, происходящего от размышлений. Чтобы достичь познания Бога, надо поддерживать и развивать отношения с Ним. Мы познаем Бога не как понятие и не через логические построения. Речь о другом: надо познать Бога в непосредственных взаимоотношениях, и именно этого нам следует искать.

Церковь предлагает нам свой опыт и свою практику именно для того, чтобы мы поддерживали и развивали наши личные взаимоотношения с Богом. Например, нам предлагается соблюдать пост, использовать церковные молитвы, избегая так называемых "спонтанных" молитв, т.е. всякого индивидуализма, или участвовать в богослужении. Все это представляет собой практику, дающую нам возможность поддерживать и развивать личные взаимоотношения с Творцом. (Христос Яннарас)

Открещения до отпевания